

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

7.1

4 выпуска в год на 17 языках

Послереволюционный
Египет

Мона Абаза

Реальность под вопросом

Люк Болтански

Экстраординарный
южноафриканский институт

Сара Мосутса

Репрезентация
афроамериканских женщин

Патриция Хилл Коллинз

Сингапурская
социология

Винита Синха,
Нурман Абдулла,
Юенн Тео,
Фрэнсис Хек Ги Лим,
Даниэль П. С. Го

Борьба за право на аборт
в Польше

Агнешка Графф,
Эльжбета Корольчук,
Юлия Кубиса

Специальные колонки

- > Сеть молодых социологов МСА
- > Перевод «Глобального диалога» на индонезийский
- > Представляем индонезийскую команду редакторов

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 7 / ВЫПУСК 1 / МАРТ 2017
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

ГД

> От редактора

Что же дальше?

Несмотря на растущее совершенство социологических техник, лишь немногим удалось под силу предсказать победу Дональда Трампа на президентских выборах в США. Это говорит нам о том, что американские социологи, к сожалению, обладают лишь ограниченным запасом знаний о своей стране. Хотя существует немало исследований правых движений — как, например, описанная в позапрошлом номере работа Арли Хохшильд (GD 6.3) — их число меркнет по сравнению с текстами, посвященными организациям левой направленности. Социологи — тоже люди, и нет ничего удивительного в том, что им более свойственно интересоваться людьми, думающими и действующими подобно им самим, то есть противниками дискриминации, неравенства и ксенофобии. Чтобы понять других, совершенно необязательно отказываться от нашего мировоззрения или притворяться, что у нас и вовсе нет никаких особенных взглядов. Нужно, наоборот, погрузиться в незнакомое нам сообщество, дабы лучше понять наши собственные убеждения.

Важность такой работы очевидна, особенно если мы прочитаем несколько статей о политической борьбе, связанной с правом на аборт (эссе по этой проблематике вы найдете в этом и предыдущем номерах ГД). Агнешка Графф и Эльжбета Корольчук постарались разобраться с политическими силами, распаляющими антигендерное движение в Польше, а также с тем, каким образом оно связано с более масштабными антиглобалистскими настроениями. Юлия Кубиса описывает впечатляющее «движение зонтиков» — антиправительственный протест, вылившийся на улицы Польши. Улицы могут быть как пространством протеста, так и пространством милитаризации: об этом нам повествует Мона Абза, анализируя ход событий, в результате которых Египетская революция 25 января превратилась в контрреволюцию под предводительством генерала Эль-Сиси.

В нашем номере мы также публикуем интервью с известным французским социологом Люком Болтански. Он приводит содержательное резюме своей социологии критики, совокупности практик, порожденных разрывом между институциональной социальной реальностью и опытом конкретного жизненного мира. Столкновения и разрывы, порожденные встречей национальных институтов с глобализованными мирами, происходят все чаще. Этой же теме посвящены пять статей о сингапурской социологии. В них рассматривается траектория этой сравнительно небольшой нации, а также ее самобытной социологии, в особенности, после смерти первого премьер-министра Сингапура Ли Куаня Ю. Статьи демонстрируют разрыв между господствующей идеологией и опытом жизни граждан Сингапура в таких областях как социальная мобильность, этничность, религия и политика.

Из Азии мы переносимся в Африку, особенно Южную Африку, где в течение последних двух лет университеты охвачены политической турбулентностью. Тут, однако, мы бы хотели обратить внимание читателей на интересную академическую программу, инициированную правительством и возглавляемую социологом Сарой Мосутсой. Ее институт лидирует в поддержке аспирантов, конференций, книжных наград, а также публикаций в области социальных и гуманитарных наук.

Мы также публикуем интервью Лабинота Кунушевци, юного социолога из Косово, с афроамериканской исследовательницей Патрицией Хилл. В этом номере мы, помимо прочего, знакомим вас с индонезийской командой «Глобального диалога», которые рассказывают о некоторых интересных трудностях перевода. В завершение — напоминание Олега Комлика о важной работе «Сети молодых социологов» (Junior Sociologists Network) Международной социологической ассоциации. Это один из важнейших проектов Ассоциации, миссия которой — оказывать поддержку новому поколению социологов!

Мона Абза, ведущий египетский социолог, автор многочисленных книг об исламе и городской жизни, рассуждает о милитаризации после январской революции.

Люк Болтански, выдающийся французский теоретик социологии критики, рассказывает о своей последней книге, посвященной детективным романам и их значимости для социологии.

Сара Мосутса, блестящий южноафриканский социолог, описывает замечательный институт общественных и гуманитарных наук, директором которого она является.

Патриция Хилл Коллинз, ведущая афроамериканская феминистка, делится оригинальными идеями об интеллектуалах и маргинальности.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте MCA](http://mca.org)
> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

> Редакторский совет

Редактор:	Майкл Буравой
Помощник редактора:	Гэй Сидман.
Исполнительные редакторы:	Лола Бусуттил, Август Бага.
Редакторы-консультанты:	Елена Здравомыслова, Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Курчиян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглу, Чин-Чун И.
Региональные редакторы	
Арабский мир:	Сари Ханафи, Мунир Сайдани.
Аргентина:	Хуан Игнасьо Пьовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.
Бангладеш:	Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джувель Рана, У. С. Рокейя Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Эашрат Джахан Аймун, Кази Фадия Эша, Хелаль Уддин, Мухаймин Чоудхури.
Бразилия:	Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Бенно Альвес, Хулио Давьес.
Индия:	Ишвар Моды, Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.
Индонезия:	Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияи, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибудиин, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.
Иран:	Рейханех Джавади, Абдолкарим Бастани, Нияеш Долати, Марджан Намази, Вахид Ленджанзаде.
Япония:	Сатоми Ямамото, Фума Сэкигути, Ютаро Симокава.
Казахстан:	Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Гани Мадырбеков.
Польша:	Якуб Барщевски, Паулина Домагальска, Адрианна Дроздовска, Лукаш Дульняк, Анна Ганько, Кшиштоф Губаньски, Кинга Якела, Юстына Косыциньска, Камилль Липиньски, Миколай Мержеевски, Каролина Миколаевска-Зайонц, Алам Мюллер, Зофия Пенза, Тереза Тележиньска, Анна Вандзель, Яцек Зых, Лукаш Жолондек.
Румыния:	Косима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Костинел Ануца, Мария-Лоредана Арсене, Татьяна Кожокари, Флорина Динкэ, Андрей Добре, Диана Александра Думитреску, Юлиан Габор, Родика Лисяну, Мэдэлина Маня, Михай-Богдан Марьян, Анка Михай, Андрея Елена Молдовяну, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Йон Даниэль Попа, Сусана Попа, Диана Прутяну Сас, Йоана Силистрару, Адриана Соходоляну, Андрея Винтилэ.
Россия:	Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Ася Воронкова, Любовь Чернышова.
Тайвань:	Чжин-Мао Хо.
Турция:	Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.
Медиаконсультант:	Густаво Танигути.

> В номере

От редактора: Что же дальше?	2
> ИНТЕРВЬЮ СО ВСЕГО МИРА	
Судьба послереволюционного Египта: интервью с Моной Абазой Майкл Буравой, США	4
Реальность под вопросом: интервью с Люком Болтански Лора Шартен, Марин Жанн Буассон, Франция	8
Экстраординарный южноафриканский институт: интервью с Сарой Мосутсой Мишель Уильямс, ЮАР	11
Репрезентация афроамериканских женщин: интервью с Патрицией Хилл Коллинз Лабинот Кунушевци, Косово	15
> СИНГАПУРСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ	
После Ли Куана Ю Винита Синха, Сингапур	17
После многорасовости Нурман Абдулла, Сингапур	19
После меритократии Юенн Тео, Сингапур	21
После секуляризма Фрэнсис Хек Ги Лим, Сингапур	23
После глобализации Даниэль П. С. Го, Сингапур	25
> БОРЬБА ЗА ПРАВО НА АБОРТ В ПОЛЬШЕ	
Навстречу нелиберальному будущему: антигендеризм и антиглобализация Агнешка Графф, Польша, Эльжбета Корольчук, Швеция	27
Защита репродуктивных прав в Польше Юлия Кубиса, Польша	30
> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ	
Сеть молодых социологов МСА Олег Комлик, Израиль	32
Перевод «Глобального диалога» на индонезийский Каманто Сунарто, Индонезия	34
Представляем индонезийскую команду редакторов	35

> Судьба послереволюционного Египта

Интервью с Моной Абазой

Мона Абаза.

МБ: Вы много писали, в том числе для «Глобального диалога», о «революционных» событиях 25 января (2011 г.), положивших конец 30-летнему правлению президента Хосни Мубарака и запустивших политический процесс, в результате которого к власти пришел Мухаммед Мурси и на короткое время установилось исламское правление (2012–2013). Мурси был свергнут в 2013 году при захвате власти военными во главе с генералом Эль-Сиси, занявшим пост президента Египта в 2014 году. Как Вы оцениваете эти шесть турбулентных лет, прошедших с революции 25 января, и в особенности роль военных в этих событиях?

МА: Множество споров окружает тему участия вооруженных сил в политической жизни страны после 25 января, когда на улицах появились танки, вставшие на площади Тахрир после свержения Мубарака. Они якобы защищали протестующих от головорезов – сторонников режима. Скорее всего, свержение Мубарака не произошло бы, если бы вооруженные силы не получили зеленый сигнал от Вашингтона, подтвердившего свой нейтралитет по отношению к революции. Первоначально между «народом» и армией наблюдалось своеобразное «братание»¹, затем отношения изменились. В настоящее время существуют множество объяснений дальнейшего падения популярности армии.

Мона Абаза — профессор социологии Американского университета в Каире, известный исследователь современного Египта, автор нескольких книг, в том числе «Дебаты об исламе и знании в Малайзии и Египте: меняющиеся миры» (*Debates on Islam and Knowledge in Malaysia and Egypt: Shifting Worlds*, 2002), «Меняющаяся культура потребления современного Египта» (*The Changing Consumer Culture of Modern Egypt*, 2006), а также «Вспоминая хлопковую плантацию» (*The Cotton Plantation Remembered*, 2013). Она преподавала в Швеции, Сингапуре, Германии, Франции, Малайзии, Италии и Голландии. В последние годы она пишет о современных политических изменениях в Египте, и две статьи из этого цикла опубликованы в «Глобальном диалоге» ([м. 1, №4](#), [м. 3, №3](#)). Ниже, в интервью с **Майклом Буравым**, она рассказывает о событиях, произошедших с момента революции 25 января 2011 г.

Вспомните легендарные фотографии, разлетевшиеся по свету в 2011 году, на которых мы видели демонстрантов, спящих под танками, или оскорбления в адрес Мубарака и антиправительственные слоганы, написанные прямо на танках, или пожилых женщин, целующих и обнимающих солдат на площади Тахрир после изгнания Мубарака. Однако не стоит забывать, что те же достаточно устаревшие танки (наверное, совершенно непригодные для ведения военных действий в городской черте) окружили здание телевизионной компании на улице Масперо 28 января. Это можно интерпретировать как достаточно символическое повторение событий 1952 года, когда «Свободные Офицеры» захватили радиостанцию, чтобы объявить о свержении короля Фарука. Однако после захвата армией Верховного совета вооруженных сил ее популярность начала падать. Последующие события (разгром демонстрантов на пл. Тахрир в марте 2011 года, пытки и принудительные проверки девственности женщин, участвующих в протесте, расправа в Масперо в октябре 2011, резня на стадионе Порт-Саид, устроенная болельщиками проигравшей футбольной команды Аль-Ахли, а затем кровавые столкновения на улице Мохаммеда Махмуда в ноябре и декабре 2011 года) указывали на то, что армия переходит на сторону контрреволюции.

Оглядываясь назад, следует всерьез задуматься об адекватности представления, согласно которому в январе армия действительно была на стороне протестующих. Вмешатель-

>>

Стена Каср аль-Айни, на месте которой позже были поставлены ворота. Автор граффити – Алаа Авад. Фото Моны Абазы, 7 декабря 2012 г.

ство армии, на мой взгляд, было продиктовано не только и не столько стремлением к свободе и демократии. На мой взгляд, события та площади Тахрир создали прекрасные возможности для свержения Хосни Мубарака, его наследника Гамалея Мубарака и близкой к ним группы коррумпированных капиталистов, мешающих военным осуществлять контроль над значительными сегментами экономики. Военное свержение Мурси в 2013 году — уже совсем другая история, поскольку Эль-Сиси стал изображаться как националистический лидер, противостоящий исламским сетям, поддерживаемым «Братьями-мусульманами».

МБ: Чуть позже мы вернемся к националистической идеологии и ее экономическому базису. Я бы хотел спросить, справедливо ли впечатление, что военные также были одержимы идеей восстановления порядка?

МА: Действительно, после января 2011 года военное присутствие было повсеместно, и это было особенно заметно в городах. Свидетельства коллективной памяти подтверждают, что в период с 2011 по 2014 год на центральных улицах города постоянно появлялись танки; затем они исчезали куда-то и возвращались снова. Мы стали свидетелями возведения бетонных стен как буферных зон между демонстрантами и полицией, разрушения гражданами этих самых изолирующих и парализующих стен, блокады целых районов во имя безопасности, вертикального контроля города при помощи устрашающих вертолетов, кружащих над головой в самые острые моменты, многочисленных нападений и убийств со стороны полицейских на многолюдных центральных улицах города с 2011 по 2013 год, распыления ядовитых газов, неоднократно приводивших к эпилептическим припадкам и смертям, а также действий паравоенных формирований, марширующих по городу. Кульминацией городских войн стало кровавое столкновение, организованное «Братьями-мусульманами» на площади Рабе-аль-Адавия в августе 2013 года. Рост милитаризации террористических исламистских атак положил

начало наступлению военных, представленному как «война с террором». Затем последовало возведение гигантских вогнутых стен (имитации Зеленой зоны в Багдаде) вокруг государственных зданий и посольств по всему городу. Мы стали свидетелями беспрецедентного роста милитаризации повседневной городской жизни и вызванного ею новых практик — попыток справиться с военным контролем, обойти его или противостоять ему.

МБ: Помимо милитаризации городской жизни, что происходило в сфере борьбы за контроль экономики?

МА: Ключевой текст Зейнаб Абуль-Магд² — это, наверное, одна из первых работ, отмечавших важнейшую роль вовлеченности армии в современную экономику и того, почему деятельность военных остается настолько непрозрачной. По мнению Абуль-Магд, вооруженные силы уже на протяжении нескольких десятков лет финансово активны и вносят вклад в 25-40% процентов египетской экономики. Сюда относятся мега-проекты, крупные фабрики по производству продуктов питания и напитков, управление кафетериями и заправками. Как я уже говорила, это объясняет заинтересованность армии в свержении Мубарака, его сына и близкой к ним клики коррумпированных капиталистов. Все они, как параллельная элита, представляли собой экономических конкурентов армии.

Но важнее всего то, что военным удалось захватить огромное количество недвижимости благодаря закону, позволяющему им приобретать землю для коммерческого использования. Наиболее важно видимое участие армии в колоссальных проектах в пустыне, где военные открывают совместные предприятия и занимаются прибыльными финансовыми спекуляциями. Это стало совершенно очевидно, когда газета «Мада Маср» опубликовала информацию о том, что Агентство земельного проектирования Вооруженных сил Египта вместе с шейхом Заидом из Абу-Даби недавно за-

>>

Вогнутая стена, недавно установленная напротив входа в Американский университет в Каире. Фото Моны Абазы, 21 сентября 2015 г.

хватили 16 000 акров Новой Столицы и получили контроль над ее строительством³. За год до этого Эль-Сиси объявил об участии военных в проекте строительства жилья стоимостью 40 миллиардов долларов вместе с компанией Arabtec из ОАЭ⁴. Затем издание Cairoobserver сообщило, что в 2014 году Министерство обороны подписало соглашение с Емаар (мегакомпанией со штаб-квартирой в ОАЭ) о строительстве колоссальной площади Эмаар с самым крупным торговым центром в Каире. Таким образом, этот новый неолиберальный рыночный проект, ориентированный на модель Дубая, явно противопоставлен площади Тахрир.

Предполагается, что мечта о рыночной экономике воплотится в жизнь при авторитарном правлении армии, захватившей контроль над земельными рынками и не допускающей прозрачности своих транзакций.⁵ Конечно, это далеко не первый случай в истории, когда неолиберальные мечты идут рука об руку с авторитарным милитаризмом.

МБ: Вы только что описали, как повлиял приход к власти генерала Эль-Сиси на положение экономических элит. А чем он чреват для остальных, особенно для «улицы», так часто упоминавшейся во время Арабской весны и постоянно встречающейся и в ваших текстах?

МА: После кратковременного пребывания у власти исламистов под руководством Мурси в 2012–2013 гг. многие воспринимали присутствие армии на улицах как меру, необходимую для «восстановления порядка», но, судя по всему, это также преследовало цель возвращения на место старых политических фигур и финансовых магнатов. После 2011 года улица увидела, что такое бандитское правление (даже если это были всего лишь бандиты старого режима) и что такое рост криминала и насилия. Тысячи уличных торговцев завоевали все мыслимые и немыслимые пространства, оккупировали целые улицы, все уголки рядом с мостами и под ними, переулки

и аллеи, и, конечно же, блокировали уличное движение. Все это стало символом ненавистного «беспорядка», особенно в глазах среднего класса. Но публичное присутствие уличных торговцев немало говорит нам о провале неолиберальной политики, сумевшей довести до нищеты миллионы египтян, в том числе выпускников университетов, для которых уличная торговля стала единственным способом выживания.

Восстановление города по инициативе Эль-Сиси помимо прочего подразумевало проведение массовой кампании по «зачистке» центра, в рамках которой торговцы силой были выдворены с улиц города. В результате в общей сложности пять миллионов человек, выживающих благодаря занятости в неформальном секторе – вынуждены были искать новые пути выживания.

МБ: Таким образом, военным удалось вернуть контроль над улицей и в этом проявилась негативная форма власти. Возникает вопрос, удалось ли Эль-Сиси добиться народной поддержки военного правления?

МА: В противовес тому, что принято считать на Западе, Эль-Сиси добился популярности своим дискурсом восстановления порядка и стабильности еще до того, как стал президентом. Чем еще можно объяснить успех кампании поощрению покупки гражданами акций и займов для проекта Суэцкого канала, предпринятой военным режимом? Всего лишь за несколько недель при помощи локальных инвесторов было собрано 8,5 миллиардов долларов. Очевидно, способность Эль-Сиси играть на националистических настроениях оказалась крайне эффективной.⁶

Дэвид Харви напоминает нам, как восстановление Парижа Луи Наполеоном Бонапартом — Наполеоном III, правившим с 1852 по 1870 год, — строилось на присвоении прибавочной стоимости через капиталистический захват

города.⁷ Трансформация Парижа, произошедшая во время правления Наполеона III, шла рука об руку с углублением деспотизма и экспроприацией прав. Сходство с режимом Эль-Сиси не может не поражать! Оба режима были без ума от колоссальных инфраструктурных проектов. Оба рассматривали Суэцкий канал как проект национального строительства. Наполеон III финансировал строительство канала, а Эль-Сиси работает над его расширением. Оба правителя признавали, что расширение инфраструктуры необходимо для присвоения капиталистических ресурсов города. Так, например, египетская армия не перестает строить дороги и мосты к провинциальным городам и в окрестностях Каира.

МБ: Крайне интригующее сравнение! Но если поискать исторические параллели поближе, что можно сказать о сходстве националистических проектов Эль-Сиси и Нассера?

МА: Действительно, после изгнания Мурси армией в 2013 году, Эль-Сиси нередко сравнивали с Гамалем Абделем Нассером. Эль-Сиси усиленно развивал националистическую риторику, противопоставляя ее угрозе исламских интернациональных (и предположительно террористических) сетей «Братьев-мусульман». Объявляя о расширении «Нового Суэцкого канала» в августе 2015 года, Эль-Сиси не случайно избрал особо националистический тон. Во время церемонии использовалась та же флотилия, что везла на своем борту Императрицу Евгению в 1869 году. Церемонию можно истолковать как попытку культивации национальной гордости, вызванной грандиозным инфраструктурным проектом и ссылками на колониальную/космополитическую культуру, подогревающую неолиберальные настроения. Из всех международных гостей львиная доля внимания была оказана президенту Франсуа Олланду – это должно было подчеркнуть историческую преемственность отношений с Францией. Удивительно, что национализация Суэцкого канала в 1956 году при Нассере едва удостоилась упоминания.

МБ: Вы очень интересно рассказали о мегапроектах, которые должны усилить националистические настроения, а что можно сказать о влиянии подъема национализма на повседневную жизнь египтян? Я знаю, что вас очень интересует городская архитектура, поменялось ли что-то в этой сфере?

МА: Здесь мы тоже не можем не заметить изменений, напоминающих о национализме прошлых эпох. В настоящее время здания в центре города, построенные в стиле belle époque, подвергаются массивной реставрации — в основном это побелка фасадов. Например, это происходит со зданиями рядом с площадью Талаат Гарб. То же самое, кстати, делал и Мубарак⁸. Широкую площадь Ораби переделывают в пешеходную зону. Тем временем власти закрывают все популярные кафе на улице Шерефеин. Опять же, и в этом можно рассмотреть популистские нотки — власти стараются стимулировать ощущение национального величия и полного «порядка» на улицах.

МБ: И здесь, как и везде, за популистскими мерами скрываются экономические интересы?

МА: Да, даже за стремлением к реновации исторического центра города скрываются экономические мотивы: здания в стиле belle époque привлекают капиталистов и магнатов,

желающих занять центр и получить доступ к его прибавочной стоимости. Риэлторская компания Al-Ismaelia занимается скупкой исторических зданий центрального Каира. На счету компании — здание Гариба Моркоса в стиле арт-деко, построенное в 1916 году, здания Кодак, возведенные в 1924-м, здания Дэвиса Брайдана и Абдель Халека Тарвата 1920-х годов, а также Cinema Radio, построенное в 1930-е⁹. Здания «Кодак», а также широкие переулки вокруг синагоги, подверглись особо сложной реставрации.

МБ: Итак, Вы показали, что за националистическими проектами скрываются экономические интересы. Позволю себе задать еще один вопрос: можно ли рассмотреть иные интересы в тени популистской политики Эль-Сиси?

МА: Действительно, дискурс возвращения «порядка» и стабильности не дает обратить внимание публики на вопросы нарушения прав человека, массовых арестов и пропажи активистов. Об этом говорят реже, чем в прошлые годы. Однако ключевым вопросом остается нерешенный острый экономический кризис, систематическая коррупция в правительственных кругах, а также продолжающееся полицейское давление — как будто революции и вовсе не было. Растущее недовольство в массах предполагает вероятность очередного социального взрыва. Но потенциальная цена восстания против армии может быть оказаться чрезвычайно высокой и несомненно, повлечет за собой дальнейшее насилие. ■

Корреспонденцию направляйте Моне Абазе на адрес mona.abaza@gmail.com

¹ See Ketchley, N. (2014) "The people and the army are one hand!" *Comparative Studies in Society and History* 56(1): 155-186.

² Abul-Magd, Z. (2016) "The Army and the Economy in Egypt." *Midan Masr*, August 7, 2016, <http://www.midanmasr.com/en/article.aspx?ArticleID=222>

³ Sawaf, L. (2016) "The Armed Forces and Egypt's Land." *Mada Masr*, April 26, 2016, <http://www.madamasr.com/en/2016/04/26/feature/economy/the-armed-forces-and-egypts-land/>

⁴ Saba, J. (2014) "The military and the state: The role of the armed forces in post-30 June Egypt." September 27, 2014, <http://www.dailynewsegypt.com/2014/09/27/military-state-role-armed-forces-post-30-june-egypt/>

⁵ "From Tahrir Square to Emaar Square," *Cairoobserver*, February 23, 2014, <http://cairoobserver.com/post/77533681187/from-tahrir-square-to-emaar-square#.WHN1ptLhCM8>

⁶ Oakford, S. (2014) "Egypt's Expansion of the Suez Canal Could Ruin the Mediterranean Sea," October 9, 2014, <https://news.vice.com/article/egypts-expansion-of-the-suez-canal-could-ruin-the-mediterranean-sea> (дата обращения 2.12.2016).

⁷ Abaza, M. (2014) "Post January Revolution Cairo: Urban Wars and the Reshaping of Public Space." *Theory, Culture & Society*, опубликовано 30.09.2014.

⁸ Там же.

⁹ <http://al-ismaelia.com/buildings/>, дата обращения 2.12.2016.

> Реальность под вопросом

Интервью с Люком Болтански

Люк Болтански — один из самых выдающихся современных социологов. В прошлом коллега Пьера Бурдьё, он в настоящее время занимает должность Директора исследований в Высшей школе социальных наук в Париже. В 90-е годы он изучал организацию капитализма и новые формы его господства в широко известной книге, написанной в соавторстве с Евой Кыяпелло — «Новый дух капитализма», опубликованной на французском языке в 1999 году. Его исследования затем переключились на тему критики и социологии государства. Публикация книги *De la Critique* в 2009 году (в 2011 — на английском, «О критике»), отметила поворотный момент в его рефлексии по поводу отношений между институтами и реальностью. В 2012 году он опубликовал книгу «Тайны и заговоры», посвященную зарождению и распространению жанра детективного романа, начиная с XIX в.

Интервьюеры, **Лора Шартен** и **Марин Жанн Буассон**, — аспирантки Высшей школы социальных наук (Париж). Фокусируясь на работе Болтански «Тайны и заговоры», они изучают инструменты и подходы, которыми пользуются социологи для критики институтов. Мы особенно благодарны Алексу Банарду, Натали Плюшар-Энгель и Эмили Мерфи за перевод интервью на английский язык. Приведенное ниже обсуждение — часть более полного интервью, опубликованного в [Global Express](http://GlobalExpress.com).

Люк Болтански.

ЛШ и МЖБ: Во-первых, расскажите, как Вы пришли к идее написания книги о детективных романах?

ЛБ: Я вообще — или почти совсем — не читаю детективы. Как и все, я иногда почитываю их, если не могу уснуть, но в принципе мне просто хотелось понять, почему литературный жанр такого рода, не очень увлекательный и транслирующий достаточно консервативную картину общества, пользуется такой популярностью, причем с самого начала своего существования. Действительно, он

превратился в основной жанр нарративной работы, сначала в форме книг, а затем — кино и сериалов. Вот это действительно интересно!

Так как моя карьера подразумевает проведение исследований, а на биографическом уровне еще и мой сын по профессии — репортер, мне хотелось изучить разные формы расследования. Когда я писал эту книгу, «политические скандалы» и «интриги» сотрясали Францию; президентом тогда был Саркози. Перед нашими глазами предстала целая череда расследований и ответных расследований. Я спросил себя, почему же «расследования» обрели такую важную роль в Западном мире XX века. Этот вопрос подвел меня к тому, чтобы изучить сходства и различия разнообразных форм расследования и разных способов их проведения.

ЛШ и МЖБ: Было ли у вас намерение изучить происхождение детективного романа?

ЛБ: Это старинный дюркгеймианский подход, и в то же время подход фукодианский, а именно «археология». Мы лучше поймем феномен, если нащупаем его корни, то есть увидим, каким он был, пока не подвергся преобразованиям под влиянием так называемых «полевых эффектов» (примерно об этом писал Бурдьё). Сначала создается новый жанр, а затем разнообразные производители стараются вводить новшества, чтобы отличаться друг от друга. Таким образом, они модифицируют жанр. Последнее столетие характеризуется развитием большого числа разнообразных видов детективных и шпионских романов. Я пытался вернуться в то время, когда этот жанр только

>>

появился. Я хотел применить квазиструктурный метод к изучению детективного романа и понять исторические особенности того времени, когда он зародился. Но я считаю, что моя книга — это некая зарисовка, что-то вроде резервуара проблем, а вовсе не список ответов.

ЛШ и МЖБ: *В «Тайнах и заговорах» вы развиваете идею, что каждое расследование может проводиться самими социальными акторами, когда они замечают разрыв между «реальностью», сформированной институтами, и «миром», который они видят в повседневности. Этот разрыв может становиться причиной споров, сомнений и вопросов действующих лиц. В своей книге вы пишете, что «тайна проявляет себя как некая манифестация социального порядка, которая способна пошатнуть реальность».*

ЛБ: Действительно, тайна присуща детективному роману в той форме, в которой его изобрел Эдгар Аллан По. Гештальт-психологи также занимаются вопросом тайны, вносящей смуту в нечто считающееся стабильным и на первый взгляд самоочевидным. Концептуальное основание книги опирается на различия между «реальностью» и «миром», которое я разработал в своем предыдущем труде «О критике». Это различие играет очень важную роль в моей работе. Если коротко, то «реальность» имеет отношение к стабилизированному подходу, сформированному институтами, в то время как «мир» — это все, что может внезапно возникнуть в рамках опыта социальных акторов и что может поставить эту «реальность» под вопрос.

Это различие призвано ответить на ряд вопросов, задаваемых парадигмой социального конструирования реальности. Эта проблема сформулирована в известной книге Яна Хакинга «Социальное конструирование чего?» Если все сконструировано, то как, с какой точки зрения, мы можем осмыслить эти конструкции? Не ведет ли деконструкция, происходящая в результате нашего осознания социальной сконструированности определенного факта, к необходимости возведения новой конструкции? Не приводит ли конструктивистский подход ко всеобщему релятивизму, который, в конце концов, превращает всю работу социологов в нечто абсолютно произвольное? Поэтому я хотел очень серьезно заняться идеей социального конструирования реальности. Я решил посмотреть, каким образом реальность конструируется социальными институтами. Различая «реальность» и «мир», мы находим референтную точку, которая позволяет нам отличить конструкции реальности от опыта, укорененного в мире. Таким образом, нам следует отложить теории «здорового смысла» — те, что достались нам по наследству от шотландского Просвещения, Мора и, в некоторой степени, от Шютца.

Необходимо начать с постулата неопределенности, окружающей действие. Но, конечно, мы исходим из того, что наш опыт в некотором роде также укоренен в реальности. Приведу простой пример. Когда вы ждете автобуса, вы предполагаете, что он приходит каждые 15 минут; это опыт, укорененный в форматах социальной реальности. Есть автобусная остановка, есть автобусная компания, а потом еще есть муниципалитет, построивший остановку и составивший расписание. Однако автобус может не прие-

хать по массе непредсказуемых причин, проистекающих в мире. Таким образом, большая часть нашего опыта также укоренена в мире и характеризуется неопределенностью. Такого рода опыт намного сложнее выразить эксплицитно.

Рамки действия, формируемые институтами, легко описать и обобщить, так как они уже объективированы в письменных работах и бухгалтерских документах, что достигается, в том числе, за счет работы государства, выбирающего элементы, извлекаемые из мира. Мир не может быть обобщен, как он является неопределенным, изменчивым и множественным. Таким образом, мы можем описать, как социальные акторы сталкиваются с форматами реальности, созданными институтами, как они критикуют их, как они спорят на их счет, а также как они работают над производством новых форматов. Критика в большой степени помогает объяснить этот жанр опыта.

Итак, мне хотелось рассмотреть, каким образом конструирование реальности связано с институтами, производящими социальные приспособления для снижения этой неопределенности. В «Тайнах и заговорах» я рассматриваю проект европейских национальных государств, в особенности их демократических форм во второй половине XIX века, как попытки структурировать реальность и придать предсказуемость действиям, опираясь одновременно на закон — то есть, полицейские приспособления — и на социальные и естественные науки. Эта идея во многом опирается на фукодианское понятие «биополитика».

Позвольте мне привести еще один пример, который мне очень нравится. У меня есть подруга, которая была увлеченной левой феминисткой, когда мы были молодыми в 1970-е гг. Она состояла в ультралевом движении с другими женщинами и мужчинами, представителями меньшинств. Однажды девушки переглянулись и поняли, что это они раскладывают листовки по конвертам, что это они варят для всех кофе и так далее. И что же они сделали? Они выгнали парней, закрылись в офисе и разговаривали друг с другом 24 часа напролет. И это был ключевой момент в рождении феминизма во Франции! До этого у них был опыт анализа, психоанализа, так что это все началось не на ровном месте. Мне кажется, эти движения развиваются через обучение: через социологию, психоанализ, профсоюзное действие, через любую другую форму обучения — чтобы ухватить определенный опыт и поделиться им.

ЛШ и МЖБ: *Как социологам удастся передать опыт акторов?*

ЛБ: Чтобы стремиться к объективности, социологам необходимо объединить инструменты описания с точками отсчета, позволяющими нам критически посмотреть на реальность. Это не может быть связано с какой-то конкретной моралью, так как эти критические точки отсчета должны замахиваться на определенную форму универсальности, как я объяснял в книге «О критике». Один из способов разобраться с этим подразумевает следование за акторами, когда они критикуют. Эти акторы — реалисты. Они принимают во внимание ситуацию, в которой

они действуют, чтобы они могли воспользоваться для своей выгоды целым рядом разнообразных контекстов, например, говоря что-то новое в каждом из них. Так, рабочий может быть очень вежливым на работе со своим начальником, однако быть крайне критичным дома.

Мне кажется, мы должны проследить за процессом социального конструирования, за тем, каким образом люди конструируют мир. Изначально, каждый опыт является частным, в мире нет ничего, кроме сингулярностей. Люди затем делятся своим опытом, делают их эквивалентными, наделяют их языком, превращают их в требования, и пытаются выступать с предложениями и заявлениями, а также модификациями реальности и форматами, на которых реальность зиждется. Очень интересно следить так близко, как только можно, за операциями по оценке и критике, а также за тем, каким образом разные элементы реальности конструируются и деконструируются. Вы следите за ними, читая романы, проводя интервью, наблюдая за спорами. Социологическая работа должна следить за конструированием и деконструкцией, а также за попытками установить новые форматы реальности.

ЛШ и МЖБ: *Считаете ли вы, что социологи должны пойти дальше и обратиться к изучению плана действий акторов и институтов, чтобы затем проанализировать теоретические основания, на которых построен этот план?*

ЛБ: Теперь я думаю, что невозможно заниматься исключительно прагматической социологией, полностью основанной на анализе ситуаций. Оказывается, что и сами акторы так не действуют! Они знают, что их жизненная среда зависит от решений, над которыми они обладают лишь очень малым контролем как индивиды, а также от институтов, которые говорят, что есть что, формируя ситуацию определенным образом. Но они могут воспользоваться противоречиями, которые ставят под угрозу то, каким образом институты конструируют реальность. Возвращаясь к моему недавнему примеру с автобусом, они могут, например, показать, что хотя автобус должен прийти вовремя, это практически никогда не происходит на практике.

Чтобы критиковать создание форматов реальности, социологи опираются не на какое-то определенное моральное утверждение, а на работу социальных акторов, которые подвергают сомнению существующие форматы и стараются создать более честные и адекватные. Но социологи могут попытаться сделать нечто большее, чем просто следовать за акторами, в своих попытках установить новые форматы реальности. Они должны использовать инструменты обобщения, дабы объективировать то, от чего зависит стабилизация опыта акторов. Они должны предпринять практически невозможное: соединить описание такого типа работы с нормативной оценкой. В книге «О критике» я описываю, каким образом такие операции проводились разнообразными способами на протяжении истории социологии. Мой тезис нельзя называть «гипотезой», так как его крайне сложно продемонстрировать эмпирически. Я считаю, что проект стабилизации реальности имеет мало шансов на успех в рамках национального государства, так как оно постоянно под-

рывается потоками, ассоциированными с развитием капитализма. Эти потоки ставят под угрозу попытки гомогенизировать реальность в пределах определенной территории и населения. Многие исследования, например, Жерара Нуарьея, который исследует проблематику укрепления границ, действие документов, удостоверяющих личность, а также процессы лингвистической унификации, анализируют попытки государства гомогенизировать территорию и население. Во Франции этой проблеме посвящено выдающееся исследование Жака Ревеля, Доминика Жюлиа и Мишеля де Серто, проведенное уже 30 лет назад. Это исследование частично основывается на делезианском противопоставлении территорий и потоков, так как проект национального государства постоянно дестабилизируется потоками, вызываемыми функционированием капитализма. В социальных контекстах, породивших детективные и шпионские романы, важнее всего то, что национальное государство способно и стремится конструировать реальность.

ЛШ и МЖБ: *Означает ли это, что социологам необходимо выйти за пределы контекста национального государства, чтобы изобрести новые модальности обобщения, способные охватить создание и дестабилизацию этого уровня анализа?*

ЛБ: Да, совершенно верно. Почему я интересуюсь историей детективных романов в контексте формирования национального государства? Почему у меня была возможность провести такое расследование? Я думаю, мне удалось это сделать, потому что эта рамка (национальное государство) в настоящее время переживает серьезный кризис. В то же время мы можем наблюдать за этой моделью анализа со стороны, даже если эту «экстерриториальность» описать совсем непросто. Проведя мысленный эксперимент, мы можем хотя бы выйти за пределы национальной и государственной рамки понимания явлений. Я считаю, что основная проблема социологов на сегодняшний день — это то, что архитектура социологии, особенно во Франции, но и не только во Франции, зависит от национального государства, уходящего корнями в конец XIX века. Поэтому у нас есть английская социология, немецкая социология, французская социология. Учитывая, что на сегодняшний день мы переживаем значительную деградацию и трансформацию этой рамки, многие инструменты социологии более не работают, и должны быть реконструированы, чтобы мы могли понять, каким образом вне зависимости от государственных границ возникают новые рамки стабилизации и критики реальности. Я говорю это тем из вас, кто решил заниматься социологическим ремеслом, ведь теперь это ваша задача! ■

Корреспонденцию направляйте Люку Болтански на адрес boltansk@ehess.fr, Лоре Шартен на адрес laurachartain@gmail.com и Марин Жанн Буассон на адрес boisson.marine@hotmail.fr.

> Экстраординарный южноафриканский институт

Интервью с Сарой Мосутсой

Сара Мосутса.

Южноафриканские университеты преодолевают массу препятствий на пути к избавлению от наследия апартеида. Последние студенческие движения в Южной Африке — «Rhodes Must Fall» (за демонтаж памятника Сесилу Родсу на территории Кейптаунского университета — прим. пер.) и «Fees Must Fall» (против повышения стоимости образования в ЮАР — прим. пер.) — показали, насколько глубоким и сложным остается это наследие. Однако все эти несомненно значимые события не должны отвлекать нас от новых интересных экспериментов в южноафриканском высшем образовании. Один из них — Национальный институт гуманитарных и социальных наук (National Institute of the Humanities and Social Sciences, NIHSS, далее НИГСН) — представляет историю впечатляющего успеха. В плане размаха и амбициозности этот проект поистине уникален в масштабе всего африканского континента. Спонсируемое Департаментом высшего образования и подготовки кадров, это учреждение занимается воспитанием нового поколения университетских преподавателей, обеспечивая обучение сотен аспирантов, распространяя научное знание среди широкой публики, а также содействуя диалогу о прошлом и будущем ЮАР. Директор и вдохновитель института — Сара Мосутса, профессор социологии Витватерсрандского университета. Ее книга «Когда едят из общего котла» (*Eating from One Pot*, 2012) повествует о семейных стратегиях выживания в условиях сворачивания индустриального производства. Ниже — интервью о трудностях и достижениях НИГСН, которое провела с профессором Мосутсой ее коллега по Витватерсрандскому университету Мишель Уильямс.

МУ: Расскажите нам об открытии НИГСН.

СМ: Возможно, мне следует начать с исторического контекста. В 2010 году ко мне обратились проф. Ари Ситас и д-р Бонгинкоси Нзиманде, министр Департамента высшего образования, приглашая меня участвовать в проекте исследования состояния гуманитарных и социальных наук в нашей системе высшего образования. Министр выказал озабоченность тем, что в ЮАР наблюдается нехватка развития гуманитарных и социальных наук по сравнению с естественнонаучными, технологическими, инженерными и математическими дисциплинами; создается впечатление, что гуманитарные и социальные науки находятся далеко не на передовых национальной трансформации. Задача исследовательской группы была достаточно амбициозной. Было решено провести серию бесед с представителями академического сообщества страны, чтобы узнать о ситуации

>>

поподробнее. Профессор Ситас стал руководителем этого проекта, а я — его заместителем.

Мы посетили все университеты страны, беседовали с учеными, деканами, ректорами и другими участниками поля о состоянии гуманитарного и социального знания в стране. То, что мы услышали, поистине открыло перед нами новые перспективы. Хотя естественные науки, несомненно, важны, их рост нередко производится за счет гуманитарных и социальных наук. Мы увидели, что высшее образование разделено на два сегмента. Нам также поведали множество интереснейших историй об успехах с области гуманитарных и социальных наук.

МУ: Так было положено начало НИГСН?

СМ: Да. Наша команда опубликовала отчёт, в котором мы описали трудности, а также потенциальные способы оживления гуманитарной науки. Мы назвали его «Хартией гуманитарных и социальных наук». «Хартия» рекомендовала основать Национальный институт гуманитарных и социальных наук. Министр принял наш отчёт, и мы немедленно начали работу над созданием нового учреждения, которое было формально основано в декабре 2013 года. После избрания попечительского совета меня попросили стать генеральным директором Института. Это произошло в мае 2014 года. И вот тогда вместе с попечительским советом я начала разрабатывать план развития Института, его ключевых программ и так далее.

МУ: Я знаю, что НИГСН предлагает несколько разных программ. Не могли бы Вы рассказать нам о них?

СМ: Вообще НИГСН поддерживает семь основных программ. Позвольте мне сначала рассказать о программе грантов для аспирантов. Каждый год мы даем 150 трехлетних стипендий гражданам Южной Африки, поступившим в аспирантуру. Выбирая финалистов программы, мы тесно работаем с деканами гуманитарных факультетов всех государственных университетов Южной Африки. Деканы снабжают нас рекомендациями по поводу стипендий на основании списка студентов, которые, с их точки зрения, являются достойными кандидатами (на основании собственных оценок и вступительных экзаменов). Руководствуясь этими оценками и нашими собственными критериями, мы финансируем студентов деканского списка. Это прозрачный процесс, начинающийся с ежегодного объявления о приеме заявок, рассылаемого студентам всех университетов. 80% получателей стипендии — черные южноафриканцы, 60% — женщины. К концу 2016 года мы выдали 451 аспирантский грант. Помимо этого, получателями грантов стали 111 африканцев из других стран континента.

МУ: Интересно. То есть вы финансируете и студентов из других регионов Африки?

СМ: Да, у нас есть специальная программа «Африканские пути» (African Pathways Programme, APP), основанная на признании того факта, что в Южную Африку приезжает учиться множество аспирантов со всего кон-

тинента. В рамках этой программы ежегодно выдается 37 трехлетних стипендии. Цель программы — развитие сотрудничества с другими странами континента и совместная работа над ростом и развитием НИГСН. Мы хотели выйти за пределы исторического наследия и поддерживать контакты с соседями по континенту.

МУ: Не могли бы Вы рассказать нам об этом сотрудничестве?

СМ: Нам как молодой академической структуре необходимо работать с другими учреждениями континента, большая часть которых никогда не проводила экспериментов в сфере социального и гуманитарного образования. Мы решили, что Совет по Развитию Социальных Наук в Африке (Council for the Development of Social Science Research in Africa, CODESRIA) может сотрудничать с нами в выборе студентов и в развитии внутриконтинентального сотрудничества. Наше партнерство дает вполне ощутимые результаты.

НИГСН также инициировал программу мобильности «Африканские пути». Мы черпали вдохновение в европейской модели «Эразмус Мундус», но постарались учесть в нашей программе южноафриканский контекст. Эта инициатива побуждает преподавателей и студентов изучать континент, находить новые идеи и области для исследований. Мы спонсируем поездки, чтобы поощрять новые контакты, сотрудничество, а также создание новых преподавательских и исследовательских сетей.

МУ: Вернемся в Южную Африку. Удалось ли вам найти такое большое количество аспирантов?

СМ: Отличный вопрос! Действительно, в течение первых двух лет (2013–2015) нам приходилось доказывать, что вообще-то существует достаточное количество студентов, достойных получать стипендии для продолжения обучения в сфере социальных и гуманитарных наук. Теперь же мы фокусируемся на том, чтобы спонсировать успешных студентов, которые наверняка завершат свое обучение и получат соответствующие дипломы. В Южной Африке очень высок уровень отчислений: лишь половина аспирантов защищает диссертацию. Поэтому мы запустили менторскую программу, цель которой — помочь аспирантам успешно дойти до конца.

МУ: Это кажется особенно важным, расскажите подробнее о менторской программе.

СМ: Двадцать один преподаватель (из числа ныне работающих и вышедших на пенсию) получил статус менторов и стал работать со студентами из разных провинций. Например, на Западном мысе мы запустили региональную аспирантуру с двумя менторами. Менторы регулярно занимаются со студентами, проводят консультации и оказывают необходимую психологическую помощь, обеспечивают поддержку научного сообщества. Они проводят семинары по методологии, теории и академическому письму. Менторы — это «якоря» для наших аспирантов, путеводные звезды, которые делятся с ними своим богатым опытом. Студенты также учатся друг у друга.

>>>

Мы считаем, что взаимное обучение коллег и сверстников совершенно необходимо. Написание аспирантской диссертации — очень одинокий процесс. Наша программа культивирует у аспирантов чувство общности, чувство принадлежности и солидарности. Менторы — это люди необычайно щедрости; они поистине вкладывают душу в процесс трансформации университетов. Нам удалось привлечь даже почётных профессоров, чтобы и они могли продолжать вносить свой вклад в трансформацию образования.

МУ: Есть ли у НИГСН проекты по поддержке исследований помимо грантов для аспирантов?

СМ: Да, у нас есть так называемая «Каталитическая исследовательская программа», спонсирующая инновационные исследования, поощряющая ученых выходить за пределы старых исследовательских вопросов и проектов, изучать новые способы мышления, новые методологии и новые сети. Такие проекты обычно не получают финансирования традиционных фондов, а НИГСН считает своей миссией поддержку исследований, выбивающихся за рамки стандарта. Мы также учитываем то обстоятельство, что ученые в области гуманитарных и социальных наук пишут книги, а мейнстримные спонсоры предпочитают поддержку журнальных проектов. Наша «каталитическая» программа также предполагает оказание финансовой помощи успешным студентам и магистрантам.

МУ: Результаты нестандартных исследований не всегда просто опубликовать. Оказываете ли вы помощь и в этом аспекте?

СМ: Как я говорила ранее, мы сотрудничаем по проектам, не ограничиваясь поддержкой исследований и грантами для аспирантов. Мы понимаем, что некоторые прекрасные работы не публикуются, потому что издатели, признавая их качество, все же отмечают их «финансовую несостоятельность». Наш Институт не диктует издателям, что публиковать, а что нет. Но мы поддерживаем издание манускриптов, соответствующих нашей миссии. Все тексты, тем не менее, проходят жесткое издательское рецензирование. Мы, однако, субсидируем затраты на публикации, либо гарантируя покупку определенного количества книг, либо напрямую финансируя публикацию. Мы также поддерживаем публикацию сборников по итогам научных конференций.

Одна из инициатив, которыми я особенно горжусь, это присуждаемая НИГСН награда за публикации и креативность в области социальных и гуманитарных наук. Первая церемония прошла в марте 2016 г. Мы присудили шесть наград в различных номинациях: лучшая художественная и нон-фикшн книга, лучший сборник, лучшие цифровые медиа и искусство. Награды выдаются только тем ученым, которые работают в южноафриканских университетах. Первые награды получили книги, выпущенные в 2013 и 2014 годах. Нас поразило количество заявок на конкурс! Мы вдруг поняли, что вообще-то наши социальные и гуманитарные науки процветают! Следую-

щие награды будут вручаться уже в марте 2017 г.

МУ: Южная Африка может гордиться богатой историей вовлеченности ученых в публичную жизнь. Строите ли вы планы по поощрению участия ученых в общественных дискуссиях?

СМ: У нас есть программа Humanities Hub («Гуманитарный узел»), в рамках которой мы спонсируем исследования за пределами нормальных академических пространств и стараемся культивировать неконвенциональные места производства знания. Пилотный проект проводится в музее на ферме Лилислиф, у которой богатая история, поскольку в 1960-е годы там скрывались от преследований борцы с апартеидом — активисты Африканского Национального Конгресса. Именно там были арестованы позже осужденные Судом в Ривонии (среди них был Нельсон Мандела — прим. пер.) Печально признавать, что многие ученые и студенты ничего не знают об этом месте. Запущенный нами проект превращает такие памятные места в хранилища знаний и альтернативных методов осмысления исторических событий. Более того, в музее Лилислиф проводится коллоквиум, посвященный Хартии свободы. Коллоквиум — платформа для обсуждения различных точек зрения на историю, поощряющая диалог между учеными, практиками и другими акторами. Пример освободительного движения ЮАР показывает, как великие идеи рождаются из общения ученых и непрофессиональных интеллектуалов.

МУ: Можете ли Вы привести несколько примеров такой интервенции ученых в публичную сферу?

СМ: Наши «гуманитарные узлы» ставят перед собой цель заинтересовать школьников в гуманитарных и социальных науках. Например, мы отвозили школьников на ферму Лилислиф, чтобы показать им это историческое место. Приобщение к местам памяти представляет собой новый способ преподавания и демонстрации детям исторических событий. Но поскольку невозможно всех привезти на эту ферму, мы подготовили мобильную выставку. Теперь «маленькая ферма Лилислиф» может сама приехать в гости в Университет Южной Африки, Университет Венды или Университет Лимпопо.

Такие проекты представляют собой новый способ нарративизации истории гуманитарных и социальных наук, адресованный как академическому сообществу, так и всему миру. Он позволяет завязать диалог об истории, о нас самих, о Хартии свободы. Мы разработали стандартизированный опросник о Хартии свободы. Задаем два вопроса: 1) Если бы вам позволили переписать Хартию, что бы вы добавили? 2) Какие пункты Хартии свободы вам наиболее дороги? Люди пишут потрясающие вещи! И мы видим, как много проблем волнует людей сегодня — безработица, нищета и так далее. Лилислиф — это пилотный проект, мы, несомненно, продолжим нашу деятельность в этом ключе и в других местах.

МУ: Есть ли в вашем институте международные программы?

СМ: Через нашу сеть Юг-для-Юга мы финансируем Индийско-южноафриканскую исследовательскую программу в сотрудничестве с Индийским советом исследований в области социальных наук (Indian Council for Social Sciences Research, ICSSR). Мы изучаем возможности создания аналогичного сотрудничества с Бразилией и другими странами.

Мы также координируем деятельность Южно-Африканского исследовательского института стран БРИКС (пять развивающихся экономик — Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Там есть разные подразделения: бизнес, академия, гражданское общество. Мы занимаемся организацией академического подразделения, которое включает в себя координацию академических форумов с участием представителей пяти стран. После этого пройдет ежегодный Совет и Саммит БРИКС. В этом году Академический форум пройдет в Китае, а в 2018 году — у нас. Эта инициатива фокусируется на разработке политических мер и консультировании правительств. Основные темы Академического форума могут варьироваться (например, социальное обеспечение, здравоохранение, образование, энергетические вопросы) и определяются страной, организующей Форум. Эти Форумы определяют Саммит БРИКС и предоставляют политические консультации главам государств пяти стран. Мы считаем, что это важная область, создающая широкий потенциал сотрудничества академиков и политиков.

МУ: Меня поражает масштаб ваших достижений за столь короткое время. С какими основными трудностями вы столкнулись?

СМ: Мне кажется, мы прошли огромный путь. Институту всего лишь три года, а мы уже многого добились. Он полностью финансируется Министерством высшего образования и подготовки кадров, но работа с государственной структурой — это огромный вызов. Все это время мы опирались на поддержку нескольких ключевых фигур в Министерстве, оказывающих огромную помощь в том, чтобы справляться с бюрократией. Без их поддержки мы бы ничего не добились. Это, несомненно, коллективная работа. Мы также тесно общаемся с попечительским советом НИГСН.

Поначалу мы столкнулись с противодействием некоторых ученых и университетов, которые опасались, что мы сместим уже существующие структуры, оттянем на себя университетское финансирование, и позволим Министерству высшего образования захватить полный контроль над гуманитарными и социальными науками. Все опасения были приняты во внимание, и со всеми разобрались. Многие из наших давних критиков превратились в наших искренних сторонников. НИГСН

— юридическое лицо, подотчетное независимому попечительскому совету. Мы четко дали всем понять, что не собираемся соревноваться с существующими университетами, а скорее будем дополнять их работу.

Некоторые повседневные трудности нашей работы связаны с функционированием запущенных программ: мы все еще устанавливаем внутренние правила. Например, мы экспериментируем с новым мобильным приложением для менторской программы, которое облегчило бы коммуникацию между менторами и студентами. Будучи молодой организацией, мы очень многому научились за короткое время. Думаю, в течение следующих трех - пяти лет мы отладим системы функционирования программ и обеспечим их устойчивую работу. Но в целом, мы довольны своими достижениями.

МУ: Какое будущее ожидает НИГСН?

СМ: Я сама поражаюсь тому, что за это короткое время нам действительно удалось превратить НИГСН во что-то настоящее! В этом проекте важную роль, несомненно, сыграл Министр образования, и не он один! Мы отдаем себе отчет в том, что поддержка министра обеспечила развитие Института. Он на самом деле изучает наши документы, формулирует вызовы, поддерживает нас. Его деятельность действительно работает на благо НИГСН. Некоторые задаются вопросом, что случится, когда он покинет Министерство. Политика — вещь нестабильная во всем мире, и уход министра вместе с его поддержкой не может не волновать нас. Но мы стараемся профессиональной работой доказать всем, что мы достойная организация и приносим ощутимую пользу обществу. У нас есть стабильное финансирование до 2019-20 года включительно. Мы надеемся выпустить как минимум 300 аспирантов, провести как минимум четыре церемонии награждения, а также поддержать издание минимум сотни книг. Если удастся этого достигнуть, мы будем считать, что справились с поставленными задачами, ведь это больше, чем смогла добиться какая-либо иная организация в этом месте за такой период времени.

Я искренне рада тому, что гуманитарные и социальные науки в Южной Африке признали НИГСН. Я приятно удивлена отзывами ученых, рецензирующих заявки на наши исследовательские проекты, их оценкой наших программ — премии за научные публикации, программ научного руководства, менторства и т.д. Никто не написал отрицательного отзыва о нашей работе. Академическое сообщество видит в нас ценный актив. ■

Корреспонденцию направляйте Cape Мосутсе на адрес msoetsa@nihss.ac.za и Мишель Уильямс на адрес Michelle.Williams@wits.ac.za.

> Репрезентация афроамериканских женщин

Интервью с Патрицией Хилл Коллинз

Патриция Хилл Коллинз.

Патриция Хилл Коллинз — заслуженный профессор социологии Университета Мэрилэнда, бывший Президент Американской Социологической Ассоциации. Будучи выдающимся теоретиком американской социологии, она прославилась тем, что ввела понятия «множественного угнетения», «интерсекциональности» и «внутреннего аутсайдера». Эти термины были разъяснены в её труде *Black Feminist Thought* («Чёрная феминистская мысль», 1990), ставшем классикой, и позже в книгах *Fighting Words* («Слова борьбы», 1998) и *Black Sexual Politics* («Чёрная сексуальная политика», 2006). Ниже приведён отрывок из интервью, проведённого **Лабинотом Кунушевци**, студентом магистратуры Университета Приштины, Косово.

ЛК: *Какая теоретическая и эмпирическая методология, с Вашей точки зрения, лучше всего подходит для исследования социального неравенства?*

ПХК: Что касается меня, я начинаю с изучения «доминирующего дискурса», а на Западе доминирующий дискурс состоит из набора проектов знания, совокупно формирующих гегемонный набор понятий и практик. Доминирующий дискурс определяет условия дебатов: выделяет, что считается важными вопросами, что считается доказательствами, а также что можно игнорировать как второстепенное. В США доминирующий дискурс формируется пересечением расы, класса, гендера, сексуальности и государства как систем власти. В своих работах я исследую то, как расизм, сексизм, классовая эксплуатация и гетеросексизм влияют на жизненный опыт различных социальных групп. Опыт темнокожих женщин стал отправной точкой для изучения этих значимых вопросов власти и знания. Однако мои исследования не ограничиваются этой проблематикой.

Я рассматриваю афроамериканских женщин как категорию людей, перед которыми стоит ряд социальных проблем, сконструированных на пересечении нескольких систем власти. Возьмём, например, насилие. Гендерно окрашенное домашнее насилие в отношении чёрных женщин, осуществляемое бойфрендами, мужьями и отцами, происходит в контексте государственно санкционированного расового насилия в отношении темнокожих, которое является частью наследия рабства и расовой дискриминации. Две формы насилия приобретают смысл в контексте взаимного обусловливания – они взаимосвязаны. В моих работах, посвящённых чёрному феминизму, рассказывается о том, как темнокожие женщины-интеллектуалки и активистки — такие как Анджела Дэвис, Джун Джордан и Кимберли Креншоу — в своих работах неоднократно показывали, что невозможно решить социальные проблемы, с которыми сталкиваются темнокожие женщины, если рассматривать только одну систему угнетения в отдельности. Опираясь на особенности опыта афроаме-

>>

риканских женщин, чёрные феминистки подняли вопрос одновременного воздействия нескольких систем угнетения, что, в свою очередь, открыло нам актуальную проблематику науки и политики, которую мы теперь называем «интерсекциональностью».

Комбинация систем власти, формирующая доминантный дискурс конкретного общества, может варьироваться. К примеру, в пересекающихся системах власти в США — расовой, классовой, гендерной, сексуальной и гражданской (государственной) — отражается специфическая история этой страны. По моим представлениям, любое новое, только что сформированное государство, например, ваша родина, уже исторически нагружено различными пересекающимися структурами власти. Так, например, особую актуальность для Косово в свете его истории представляют собой системы этничности, класса и религии. Важно иметь в виду, что несмотря на исторические различия, отражающие различные сочетания властных отношений, элиты всегда контролируют как комплексный доминирующий дискурс, так и следующие из него категории знания. Типы элитных групп могут различаться в разных обществах, однако властные отношения социального неравенства подразумевают, что не у всех есть доступ к формированию доминирующего дискурса, в то время как каждый член общества в той или иной мере находится под его влиянием.

Выбор наиболее подходящей теоретической и полевой методологии зависит от того, где вы в принципе находитесь в рамках властных отношений производства знаний и какие конкретные пласты знания вы хотите задействовать. Что касается меня, то я выбрала теоретическое знание, поскольку изучение эпистемологических оснований науки позволяет подойти ближе к сущности власти. Я изучаю различные измерения пересекающихся отношений власти, концентрируясь на том, как они формируют знание. В связи с этим теория интерсекциональности представляет собой полезный аналитический инструмент для изучения социального неравенства как в академическом дискурсе, так и в политике.

ЛК: Как влияет репрезентация женщин в СМИ на их угнетение и освобождение? Каково влияние репрезентаций на участие женщин в государственной и политической сферах?

ПХК: Все женщины сталкиваются с репрезентациями в СМИ, представляющими собой социальные сценарии на тему того, как быть женственной. Однако по той причине, что общества кардинально различаются между собой, образ идеальной женщины в каждом обществе своео-

бразен. В США и подобных мультикультурных обществах образ женщины меняется в зависимости от комбинации расы, гендерной идентичности, этничности, класса и гражданства. Белая гетеросексуальная женщина из среднего класса, имеющая американское гражданство, позиционируется как нормативная модель для женщин, принадлежащих к другим группам. Это идеал, репрезентация, социальный конструкт, а не реальная категория людей. Традиционно этот идеал женственности находил воплощение в образе матери-домохозяйки, однако с недавних пор его сфера приложения расширилась и теперь включает репрезентации работающих женщин, занимающих высокие должности. Чем ближе другие группы женщин в мультикультурном обществе к соответствию этому идеалу, тем более благожелательно к ним относятся.

В своей книге «Чёрная феминистская мысль» (Black Feminist Thought) я исследую, как афроамериканки сталкиваются с четырьмя главными стереотипами: 1) «тягловая лошадь» — женщина, которая безропотно работает, выбиваясь из сил; 2) «распутница» — очень сексуализированная женщина, которую часто описывают как проститутку; 3) «няня-негритянка» — темнокожая домработница, бесконечно лояльная к своим нанимателям; 4) и наконец, «чёрная леди» — образованная темнокожая женщина, отказавшаяся от семейной жизни в пользу карьеры. Эти репрезентации — не просто безобидные стереотипы, анахронизмы, связанные с прежними практиками расизма, сексизма и классовой эксплуатации. Это контролирующие образы, несущие в себе социальные сценарии того, как людям следует рассматривать темнокожих женщин и обходиться с ними. Что более важно, ожидается, что эти социальные сценарии будут интернализированы темнокожими женщинами.

Феминизм, как и движения за права женщин в целом, стремится разрушить и вышеописанные репрезентации, и отношения власти, которые они представляют. Когда женщины отказываются от репрезентации себя как праздных домохозяек или рабочих лошадей, мирящихся с низкой зарплатой и отсутствием гарантий занятости, когда они отказываются быть верными слугами начальникам и начальницам в соответствии с иерархиями расы и этничности, то они вступают в публичную сферу с преображённым сознанием. Поэтому идеи и активизм имеют между собой тесную связь. Смена репрезентации может изменить поведение, а изменённое поведение, в свою очередь, порождает другое мнение о женщинах в публичной сфере. ■

Корреспонденцию направляйте Патриции Хилл Коллинз на адрес collinph@umd.edu и Лабиноту Кунушевиц на адрес labinotkunashevci@gmail.com.

> После Ли Куана Ю

Винита Синха, Национальный университет Сингапура,
вице-президент МСА по публикациям, 2014–2018

Китайские прихожане храма Гуанинь зажигают свечи-благовония в соседнем храме Шри Кришны. Фото Даниэля Го.

Фнедавно почившего Ли Куана Ю, первого премьер-министра независимого Сингапура, определила само существование и идентичность этой нации-государства. Как только ни называли сингапурский стиль управления, связанный с личностью Ли Куана Ю, и в принципе порожденный им: «прагматический авторитаризм», «мягкий авторитаризм», «просвещенный деспотизм» и даже «благожелательная диктатура». Государственный нарратив поддерживает принципы меритократии, мультикультурализма, верховенства закона как источников беспорочного правления, эффективной бюрократии, модернизации, экономического развития и процветания, а также одного из самых высоких показателей уровня дохода на душу населения в мире. Представляя идеологию, признающую социокультурные различия между населяющими страну этническими группами и предписывающую соблюдение принципов «равенства» (см. эссе Нурмана Абдулы [«Сингапурская социология после мультикультурализма»](#) в этом номере ГД), этот нарратив позиционирует равенство не как количественную эквивалентность, а как равенство возможностей, отменяя прежнюю официальную институционализированную этническую дискриминацию и вместо этого распределяя привилегии между гражданами на основе их

заслуг. Однако это убедительное кредо затрудняет (если не вовсе вытесняет из публичной сферы) артикуляцию дискурса о расовых различиях и расизме. Такая идеология скрывает политику и противоречия стандартов сингапурской меритократии (см. эссе Юенн Тео [«Сингапурская социология после меритократии»](#) в этом номере ГД).

Сингапурский управленческий административный стиль политики отдает приоритет таким ценностям как планирование, эффективность, контроль и регуляция. Повседневное функционирование сингапурского общества регулируется бюрократией, которая, представляется как полностью свободная от коррупции и нечестных практик, а также демонстрирует максимальную, если не чрезмерную, эффективность. Эту «инфраструктуру», доставшуюся по наследству от британцев, старательно воспроизводит и пестует сингапурское руководство, стараясь содействовать скрупулёзному следованию правилам, что одновременно поразило и напугало бы Макса Вебера. Руководящий принцип централизованного управления и четкого контроля всех сфер общества требует создания колоссальной государственной машины и целой сети бюрократических организаций. Именно через эти посреднические

институты, вдохновляясь целым веером авторитарных и прагматических идеологий, государство пытается проводить политику, оказывающую влияние на повседневную жизнь граждан. Описывая сингапурскую «культуру контроля», Карл Троцки утверждал, что постколониальное государство активнее стремится к господству и «берет на себя ответственность по полномасштабному управлению и контролем общества». Чуа Бенг Хуат и Квок Кьян Вун также отмечают, что в Сингапуре, после обретения им независимости, «расширение государственного вмешательства и концентрация власти в государственной машине» продолжают снижать уровень повседневной автономии личности.

Академический, и повседневный дискурсы тесно и безраздельно связывают Сингапур с фигурой Ли Куана Ю и его бренда бескомпромиссной авторитарной политики. Сингапурских граждан обычно описывают как консервативных, запуганных, покорных и пассивных. Однако сингапурцы уже давно критически относятся к утомившему их управленческому подходу в стиле «стрельбы по воробьям из пушки», не принимающему во внимание мнение простых людей, но, тем не менее, прочно закрепившемуся в публичном дискурсе.

Что же тогда можно сказать о взаимоотношениях политических структур и социальных наук? Сингапурская социология также рассматривается сквозь призму политики и идеологии Ли Куана Ю. Политическим приоритетом постколониальных лидеров Сингапура был экономический рост, что отражало нужды страны, лишь недавно получившей независимость и испытывавшей особо сильную потребность в экономическом развитии и планировании социальных изменений. От исследований в области социальных наук (в основном финансируемых правительством) ожидалось соответствие принципу «релевантно-
>>>

сти», то есть, как минимум, способности встроиться в проект национального строительства, если не напрямую внести вклад в процесс модернизации. С 1970-х и до конца 1990-х производство социального знания в основном служило цели публикации информации о стремительных политических, социокультурных и экономических изменениях в Сингапуре, что отражало приоритеты национального государства по управлению мульти-этническим мульти-религиозным населением.

Однако с недавних пор это совпадение университетских социальных наук и национальных интересов, никогда не являвшееся абсолютным, становится все менее прочным. Сингапурские социологи проблематизируют официальный нарратив о мультикультурализме, меритократии, семье, неолиберализме, глобализации, сингапурской истории, мульти-конфессиональности, религиозной гармонии, отсутствию бедности и неравенства и так далее. Помимо прочего, Сингапурское государство в настоящее время наращивает исследовательский потенциал разнообразных министерств, в результате чего можно снизить его потребность в университетских исследованиях.

Неудивительно то, что умершего в 2015 году Ли Куана Ю оплакивала вся страна, ведь граждан не оставил равнодушным уход архитектора современного Сингапура. Но, что интересно, его смерть в некотором роде стала моментом освобождения, сопровождаемого ощущением снятия ограничений и избыточного регулирования, а также движения к свободе, в том числе политической.

Но тех, кто надеялся на свободу, стоит спустить с небес на землю небольшой дозой социологического воображения. Так как я этнограф, практикующий своё ремесло в Сингапуре, мое исследование религии на практике укоренено в первичности и ответственности повседневных практик. Учитывая более широкий контекст организации социальной и политической жизни, святые места острова также оказываются под влиянием принципов высокорационализированной ментальности, определяемой определенными бюрократическими, административными и правовыми рамками. Уникальность сингапурского религиозного пейзажа, особенно его бюрократической культуры и ее

влияния на выражение религиозности, нуждается в более подробном описании.

В своей работе, посвященной исследованию «хаотичности» сингапурского религиозного ландшафта, я исхожу из того, что Сингапурское государство является интервенционистским по своей сути. Я изучаю таинственный мир «храмов в джунглях» (святых мест, расположенных вдали от взгляда властей), религиозных фестивалей и мест поклонения и демонстрирую интерсекциональный характер религиозной жизни простых сингапурцев — индусов, даосов, буддистов и католиков — в повседневности. Последователи культов вынуждены культивировать религиозное сознание и выстраивать географию святых в рамках четко ограниченных и жестко регулируемых городских пространств. В результате топография Сингапура свидетельствует о «беспорядочности» его религиозной сферы (упомянем, к примеру, проведение религиозных процессий на спортивных стадионах, а религиозных фестивалей — в бассейнах). Религиозная сфера страны в течение всего правления Ли Куана Ю характеризовалась слабой проницаемой границей между сакральным и светским, публичным и приватным. Эти факты, свидетельствующие о сосуществовании альтернативных прочтений религиозной жизни, позволяют оспорить господствующий взгляд на Сингапур как стерильный и чрезмерно регулируемый город-государство.

Что же тогда можно сказать о повседневных возможностях действия в обход официального контроля? Несмотря на наличие жестких бюрократических структур и интервенционистскую позицию государства, нельзя не заметить сильного стремления сингапурцев к религиозным экспериментам. Хотя государственный контроль, несомненно, оказывает формирующее влияние на религиозную сферу, он далеко не исключает возможности религиозных инноваций и творчества. Контроль религии невольно способствовал созданию новых пространств духовной свободы. На практике бюрократический лабиринт все же оставляет пространство для импровизации, и членам сингапурских религиозных культов удается стратегически использовать правила в свою пользу.

Проводимое мною этнографическое исследование комплексного социально-политического и религиозного ландшафта Сингапура заставляет меня скептически относиться к стереотипу о сингапурцах как измученных, пассивных, угнетенных гражданах, подавляемых авторитарным правительством, особенно в период правления Ли Куана Ю. Мое повествование действительно расходится с типичными представлениями о религиозной жизни Сингапура и противоречит господствующему дискурсу о контролирующем сингапурском государстве, которое чрезмерно регулирует жизнь своих граждан, в лучшем случае, культивируя покорность и предсказуемость, в худшем — парализуя их способность к самостоятельному принятию решений.

Представления о сильном авторитарном государстве закрепились настолько прочно, что академические (впрочем, как и обыденные) нарративы, без всякого сомнения, заявляют, что история Сингапура понятна и прозрачна, что даже если что-то новое и можно обнаружить, то оно окажется предсказуемо скучным. Сингапурским исследованиям постоянно приходится противостоять устаревшему стереотипному представлению о социокультурной и политической жизни страны. Как исследователя, представляющего альтернативные версии сингапурского общества, меня нередко обвиняли в потворстве авторитарному государству, или в наивном описании повседневных микропобед угнетенных граждан/не являющихся акторами, оставляющем за пределами анализа гегемонный политический аппарат, действующий на макроструктурном уровне.

Таким образом, сингапурской социологии есть чем заняться. Нужно не только производить альтернативные версии нарративов о сингапурском обществе, отличающиеся от официального гегемонного дискурса, но и давать отпор неизменно циничным интерпретациям сингапурского общества и его осмысления социологами. Выход за пределы стереотипов о Сингапуре надо воспринимать как почетный вызов. Социальные структуры не создаются отдельными личностями, и тем более не могут быть перестроены в одночасье. Реальный вопрос может заключаться в следующем: что же случится с сингапурским политическим ландшафтом после правления премьер-министра Ли Сяньлуна? ■

Корреспонденцию направляйте Вините Синхе на адрес socvs@nus.edu.sg

> После многорасовости

Нурман Абдулла, Национальный университет Сингапура, член Тематической группы МСА по исследованию эмоций и общества (TG07)

Скульптура, изображающая малайского и индийского торговцев, в историческом квартале Телок-Айер, части современного района Чайнатаун в Сингапуре. Фото Даниэля Го.

Выступая на митинге в честь Дня независимости Сингапура в 2016 г., премьер-министр страны Ли Сяньлун поднял тему расовых взаимоотношений в стране и упомянул о требованиях обеспечить представленность меньшинств на высших политических постах. В данном контексте понятие «меньшинств» подразумевало исключительно расовые различия – не гендер, сексуальную ориентацию или какие-либо другие социально значимые или интерсекциональные категории. Интересно, что ещё в 1989 г. отец Ли Сяньлуна, бывший премьер Ли Куан Ю, утверждал, что Сингапур не готов к тому, чтобы премьер-министром страны стал гражданин не-китайского происхождения; в 2008 г. Ли-младший отметил, что такая ситуация «возможна, но не в ближайшее время» (*The Straits Times*, 9 ноября 2008 г.). Ирония в том, что уже в 2016 г., через две недели после митинга, главная англоязычная газета страны «Стрейтс Таймс» опубликовала целую полосу под заголовком: «Кто будет следующим главой Сингапура?», где приводились биографические справки о потенциальных кандидатах, готовящихся сменить Ли на посту 4 сентября 2016 г.; все они являлись членами совета министров и принадлежали к этническому большинству китайцев.

Анализ выступлений Ли показывает, что в сингапурском обществе уже долгое время процветает расовый дискурс. Характерные особенности и выраженные различия разных рас не только не сглаживаются, но акцентируются и усиливаются посредством социальных, политических и культурных мер, оставаясь важной чертой сингапурской повседневности. Подобные гегемонные явления в организации социально-политической жизни берут начало в син-

гапурской модели многорасовости. Официальная модель подразделяет граждан на категории «китайцы», «малайцы», «индийцы» и «другие», что в документах отражается аббревиатурой КМИД (СМЮ). Согласно этой модели, каждой расовой категории присваиваются отдельные культура и язык.

В основе модели КМИД лежит наследие британского колониализма. Многорасовость и меритократия представляют собой основополагающие идеологические принципы сингапурского государства, отделившегося в 1965 году от Малайзии в результате общественного конфликта по поводу прав этнических китайцев и других меньшинств. Эти принципы вошли в число государствообразующих императивов независимого Сингапура: в попытке защитить и легитимировать маленький город-государство власти придают особое значение обеспечению равного статуса, равных возможностей, равного отношения и уважения для всех этнических и религиозных групп. Внимание к расовой принадлежности повсеместно влечёт за собой ряд мер в отношении образования, языка, организации групп взаимопомощи, распределения социального жилья, контроля за демографией и политической репрезентации.

Согласно официально декларируемому в Сингапуре расово нейтральному подходу, государство представляется справедливым и беспристрастным защитником, оберегающим расовые отношения в рамках национальных интересов. В то же время существует некоторый политический арсенал, позволяющий государству поддерживать определённые расовые пропорции населения. Благодаря такой расовой арифметике, китайцы, находящиеся в большинстве, парадоксальным образом находятся в доминирующем положении, несмотря на все заявления о равенстве. Кроме того, президент Онг Тен Чеонг ещё в бытность свою вице-премьером заявлял, что преференциальное отношение к определённым группам не противоречит букве и духу Конституции Сингапура. В сущности, дискурс мультикультурализма, в рамках которого все культуры равны, негласно позволяет некоторым культурам быть равнее прочих.

Важнее, однако, другое. Многорасовость КМИД как механизм социальной организации, призванный смягчить различия между культурами, имеет тенденцию скрывать и обходить молчанием социально значимые этнические, региональные, лингвистические, религиозные и культурные различия, распределяя граждан по официально санкционированным категориям. Также происходит укрепление и обострение расовых границ вследствие одобрения, прославления и раздувания различий между расовыми группами КМИД. Раса, а следовательно, и культура считаются административно-политическими категориями. Они понимаются, классифицируются и институционализируются с точки зрения эссенциализма; подразумевается, что эти

>>

категории имеют строгие рамки и являются внутренне однородными.

Более того, критическая дискуссия о культурных практиках часто подавляется с целью обеспечения расовой толерантности. Толерантность сохраняется посредством отстранения, что влечёт за собой необходимость мириться с предполагаемыми неудобствами. С другой стороны, минимум значения придаётся межкультурному диалогу, взаимному уважению и сотрудничеству. Игнорируется тот факт, что мультикультуралистский интерес и любопытство могли бы породить глубинное взаимопонимание, осведомлённость, уважение и принятие ценности различий между группами. Результатом является расовая гармония, не выходящая за пределы официально декларируемых культурных различий.

Однако в сингапурской повседневности существуют альтернативные возможности и представления о проблеме. Расовые различия и мультикультурализм в независимом Сингапуре представляют собой более сложную картину, чем то, что описывается в официальных документах. Это означает, что страна обладает большим потенциалом для выхода за рамки государственного регулирования и других вертикальных инициатив. Повседневные межкультурные практики возникают органично, без интервенций и помех извне, естественным образом происходит пересечение культурных границ, и сами границы групп становятся проницаемыми. Вовлекаясь в культурное производство, люди взаимодействуют с различиями и изменениями в ситуации повседневного обмена, пытаются с ними справиться, преодолевают существующие барьеры.

Богатая, насыщенная повседневная жизнь демонстрирует, что культурные практики нередко противоречат институционализированным расовым и культурным категориям, выходя за их пределы и не особенно нуждаясь в государственном вмешательстве. В религиозной сфере согласование границ происходит в рамках таких процессов, как синкретизм, гибридизация и трансфигурация или же смешение и соответствие. Индуизм переплетается с даосизмом в области верований, практик, пространства и ритуальных объектов: не всегда можно легко отличить даосский храм от индуистского. Аналогично, в индуистских домохозяйствах изображения Кришны, Муругана и Ганеши соседствуют с образами Иисуса Христа, Девы Марии, богини Гуаньинь или смеющегося Будды. Смешение и соответствие такого рода показывают, что выборочные элементы различных религий активно используются верующими в повседневных религиозных практиках. Как этнические малайцы, исповедующие ислам, так и китайцы могут обращаться к духовным целителям обеих традиций в случае жизненных невзгод.

Подобным же образом традиционная этническая еда в Сингапуре – лакса, рис с курицей, роджак, ми горенг и другие – представляет собой пример кулинарного заимство-

вания и гибридизации. Несмотря на это, в официальных документах часто указывается мнимое «этническое происхождение» блюд, то есть определённые блюда считаются «типичными» для различных «расовых» групп КМИД¹.

Что касается языковой сферы, то естественное возникновение и повседневное использование сингапурского английского противоречит упрощённому видению того, как взаимосвязаны расовые категории КМИД и язык. Сингапурский английский – это разговорный креольский язык и диалект, включающий в себя элементы китайских диалектов, малайского, тамильского и других локальных языков. Власти относятся к сингапурскому английскому двойственно, что ярко выражено в государственных кампаниях «Speak Good English» («Говорите на хорошем английском»).

Социологи и антропологи изучают сложные взаимосвязи, столкновения и опыт различных культур в различных сферах жизни Сингапура – религиозной сфере, кулинарии и практиках приёма пищи, в сфере языка, чувств, в фильмах и постановках. Все эти культурные практики входят в противоречие с эссенциалистскими взаимоисключающими границами, установленными в рамках официально санкционированных расовых категорий. Вопросы расы, многорасовости КМИД, а также привилегий, приходящих вместе с властью и доминирующей позицией, требуют критического подхода, который поможет вообразить жизнь в Сингапуре за пределами государственных дискурсов и категоризации.

Сегодня в Сингапуре наряду с интенсивным притоком мигрантов появляется всё больше людей с полиэтнической идентичностью. В мире усугубляющегося неравенства возникают новые запросы. Вместо того, чтобы исповедовать утопический идеал расовой гармонии или же, совершая либеральный поворот, отказываться от понятия категории расы как таковой, социологам и антропологам следует побуждать различные группы в сингапурском обществе к честному взгляду на себя с критической позиции, чтобы осознать условия, ограничения и возможности расовых категорий, различий и мультикультурализма. Возможно, таким образом индивиды и сообщества получают стимул поразмышлять, обсудить, вообразить, визуализировать и сконструировать существенно значимые сингапурские идентичности, объединяющие и в то же время различаемые. Такой взгляд требует осознания в сочетании с действием, уважения в сочетании с сомнением, консенсуса в сочетании с борьбой за более критически информированное, конструктивное и мультикультурное гражданство. ■

Корреспонденцию направляйте Нурману Абдулле на адрес socnoorm@nus.edu.sg

¹ Chua Beng Huat and Ananda Rajah (2001). "Hybridity, Ethnicity and Food in Singapore" pp. 161-197 in David Y.H. Wu and Tan Chee-Beng (eds.) *Changing Chinese Foodways in Asia*, Hong Kong: The Chinese University Press; Low, Kelvin E.Y. (2015). "Tasting Memories, Cooking Heritage: A Sensuous Invitation to Remember" pp. 61-82 in Lily Kong and Vineeta Sinha (eds.) *Food, Foodways and Foodscapes: Culture, Community, and Consumption in Post-Colonial Singapore*, Singapore: World Scientific Publishing.

> После меритократии

Юенн Тео, Наньянский технологический университет, Сингапур

В современном Сингапуре центры «развития» и «обучения» становятся привычным феноменом. Фото Юенн Тео.

Зайдите в любой торговый центр в Сингапуре, и вы увидите рекламу множества образовательных сервисов, предлагающих помощь детям, стремящимся «добиться успеха в школе и в жизни», и тренингов для студентов, готовых «овладеть искусством обучения». Некоторые сервисы предлагают подготовку по предметам, соответствующим школьной программе — английский, китайский, математику, естественные науки, физику, экономику. Другие больше времени уделяют различным хобби, таким как шахматы или робототехника. Независимо от профиля, основная цель таких сервисов — подготовить студентов к экзаменам, что прямо заявлено в рекламных объявлениях.

Повсеместное распространение таких образовательных услуг отражает ключевые особенности сингапурской образовательной системы, и показывает, как стратификация (уже на начальных стадиях обучения) и стремление к раннему развитию заставляют родителей искать возможностей дополнительного образования для детей, которым не исполнилось и трех лет. Стратификация оказывает давление на детей в течение всего курса школьного обучения, и образовательные сервисы рассчитаны на все возрасты

и уровни подготовки. Школы оценивают успеваемость детей на основе стандартизированных тестов, и родителей нетрудно заставить раскошелиться, если пообещать подготовить ребенка к успешной сдаче экзаменов. Школьники и их родители живут в условиях повышенной конкуренции, и потому дополнительные занятия и кружки рассчитаны не только на отстающих, но и на тех, кто стремится быть первым. В современном Сингапуре считается, что для достижения успеха посещения общеобразовательной школы недостаточно.

Такая система считается меритократической. Основная критика меритократии в Сингапуре сводится к тому, что система работает не так, как должна была бы. Родители жалуются на чрезмерно объемные домашние задания и слишком большое число экзаменов у детей. Критики, недовольные неравенством, отмечают необходимость расширения спектра возможностей для детей из семей с низким достатком. Но лишь немногие отмечают, что кружки и дополнительные занятия — это вполне логичное последствие меритократической системы, а не сбой в ее работе.

В социологической литературе меритократией называется система, которая сортирует, затем дифференцированно награждает участников конкуренции и, наконец, легитимирует успех победителей. Она полагается на узкие представления о том, что достойно вознаграждения, а что — нет. Такая система прекрасно работает там, где происходит то, что Пьер Бурдьё назвал «неузнаванием» — когда считается, что система основана на одних принципах, когда в действительности она опирается на другие. В данном случае сингапурская система поощряет экономический и культурный капитал, переданный от родителей детям, а не личные старания ребенка. Не признавая реальных принципов и механизмов стратификации, меритократия легитимирует победителей, объявляя их теми, кто самостоятельно добился всего благодаря тяжелому труду и интеллекту, а не с помощью доставшихся по наследству преимуществ. Что касается неудач, то и их меритократия объясняет личными качествами и действиями неудачника, а не системными факторами.

С социологической точки зрения сингапурская образовательная система функционирует именно так, как должна. Система обеспечивает ранжирование студентов по четким группам и поощряет узкий набор характеристик; кроме того, публика искренне верит, что поощряемые черты отражают индивидуальные способности и старания учащихся. Тот, кто получил правильное образование, попал в правильную «струю», оказывается обладателем правильных способностей и квалификаций, благодаря чему получает правильную работу с более чем правильной зарплатой. Успешные работники сферы науки и образования, чиновники, служащие и профессионалы воспринимаются как люди, по праву занимающие свои должности и получающие соответствующую их заслугам оплату труда. Образ-

>>>

вательные центры и кружки не могут развеять всеобщую веру в безошибочность меритократии. Считается, что планка высока, быть может, даже чрезмерно высока, но награда за способность соответствовать не кажется случайной.

Критические социологические работы об образовании и меритократии не встречаются в Сингапуре интереса. Чтобы понять, почему так происходит, необходимо познакомиться с двумя основополагающими чертами сингапурского общества: институционализацией индивидуализма и актуальностью телеологических нарративов.

Логика, на которой зиждется меритократия, вплетена в повседневность посредством мириады государственных институтов и сложного законодательства, влияющих на паттерны брака, деторождения, воспитания детей, работы по дому и заботы о больных и пожилых. Логика, говоря примитивно, заключается в следующем: человек должен сам заботиться о себе и своей семье. Сингапурское государство, несмотря на повышенное вмешательство в жизни своих граждан в плане определения их образа жизни, жестко противится введению мер социального обеспечения. Доступ к общественным благам – жилью, здравоохранению, уходу за детьми и пожилыми, пенсии – возможен только при выполнении таких условий, как получение правильного образования, непрерывная занятость, гетеросексуальное партнерство. Невыполнение таких условий, как получение необходимого образования, устойчивая занятость, вступление в брак, обзаведение потомством (которое воспроизводит цикл), грозит утратой безопасности, благосостояния, социальной принадлежности. Личные «заслуги», таким образом, превращаются в обязательную предпосылку дальнейшего социального продвижения, а нуклеарная семья, погруженная в контекст развитых межпоколенческих обменов, остается базовой социально-экономической единицей политического процесса и управления. Поэтому семейные инвестиции в образовательный успех детей считаются разумными или даже необходимыми для сингапурских семей.

Во-вторых, меритократия поддерживается сильнейшим телеологическим нарративом о нации и личности. Сингапурская меритократия противопоставляется этно-расовому фаворитизму и дискриминации в ближайшей соседской стране — Малайзии. Меритократия — рациональная, систематическая, безличностная — считается источником феноменального экономического успеха Сингапура, а также его чуть ли не чудесного выживания как нации. Нарратив о национальном прогрессе откликается в биографических нарративах тех сингапурцев, «у которых получилось». Как во французском обществе, описанном Пьером Бурдьё, к категории «знати» принадлежат те, кого посчитали достойными лучшие университеты мира. Представители знати занимают позиции, которые позволяют им говорить и быть услышанными. Из офисов политической элиты, из-за столов журналистов и с кафедр университетов люди смотрят на общественное устройство сквозь линзы своих ограниченных биографических нарративов: как на систему, которая, быть может, работает не идеально, но все-таки работает: ведь мы с вами здесь, на самом вершине (или рядом)! Те, кто не смог добиться успеха, в нарративе личного провала изображены как молчаливые, изолированные и покорные неудачники. Меритократия не теряет имиджа хорошей системы, в том числе и потому, что те, кто могли бы выступить против нее,

не делают этого, ведь она легитимирует их социальные позиции и ставит под сомнение их чувство собственного достоинства.

Цена меритократии высока. Родители с невысоким доходом, не способные обеспечить своих детей ресурсами для получения необходимых качеств, считающихся достойными, платят высокую цену в плане материального и символического капитала. По мере роста неравенства в обществе люди с более высоким доходом также могут нести убытки, так как постоянно испытывают страх даже небольшого снижения позиции на иерархической лестнице.

Массивный и дорогостоящий бизнес теневого образования, депрессия и тревожность среди молодежи, стресс, испытываемый родителями, время, затрачиваемое ими на бесконечную помощь в выполнении домашних заданий, а также углубление неравенства в результате, в конечном счете, неравномерного распределения вознаграждений — вот та цена, которую вынуждено платить общество.

Что же в таком случае могут сделать социологи? Нам нужна как исследовательская программа, так и активистская повестка.

На исследовательском фронте все более очевидно, что социология образования неотделима от исследований семьи, социального обеспечения, взаимоотношений государства и общества, а также политики. Чтобы изучить меритократию, нам необходимы все доступные аналитические инструменты, в том числе более глубокое понимание того, как нечто казавшееся ранее иррациональным (например, дорогостоящие частные вложения в образование) превращается в нечто совершенно оправданное, как только мы принимаем во внимание другой уровень анализа (например, фамилистский режим без развитой системы социального обеспечения). Нам следует подходить к этим вопросам не только как к вопросам образования, но и в более широком контексте структурного социального неравенства и множества каналов его воспроизводства.

Кроме того, если мы хотим, чтобы социологические инструменты заняли прочное место в публичных обсуждениях меритократии, нам необходимо разрушить господствующий нарратив. Подрыв нарратива предполагает выполнение предварительного условия — саморефлексии. Ученые должны стремиться выйти за пределы обсуждения меритократии и неравенства как проблем, с которыми сталкиваются только субъекты их исследования, и более внимательно относиться к своим собственным привилегиям и тому, как мы воспроизводим неравенство через повседневные практики и дискурсы. Подрыв господствующего нарратива предполагает вовлечение аудиторий далеко за пределами мира науки. Если мы, как представители дисциплины, уже обладаем критическими инструментами для понимания воспроизводства привилегий и маргинальности, мы должны более активно работать над тем, чтобы распространить эти идеи за пределами академических кругов. Как этого достичь? Необходимо писать статьи, адресованные различным публикам, выступать с лекциями и участвовать в дискуссиях перед разными аудиториями, а также вступать в стратегическое сотрудничество с гражданским обществом, преподавателями, политиками и родителями. ■

Корреспонденцию направляйте Юенн Тео на адрес yyteo@ntu.edu.sg

> После секуляризма

Фрэнсис Хек Ги Лим, Наньянский технологический университет, Сингапур

Верующие молятся в домашнем храме, организованном в квартире дома государственного жилищного фонда. Фото Фрэнсиса Лима.

По многим параметрам «быть сингапурцем» — значит испытывать постоянную необходимость навигации в рамках сложной государственной системы социальной классификации, как в публичной, так и в приватной сфере. Конечно, все современные национальные государства занимаются определением и ограничением, а таким образом и управлением разных социальных и культурных групп, населяющих его территорию. В конце концов, это жизненно необходимые инструменты управления и современного национального строительства. Быть сингапурцем значит постоянно испытывать на себе эффекты государственной номинации в трехмерной матрице идентичности. Раса, язык и религия — неизбежные нарративные темы в мифе об основании сингапурской нации, а также важные инструменты управления, посредством которых государство старается применять социальный и политический контроль.

Когда каждый школьник ежедневно произносит сингапурскую «Клятву» о сохранении национального единства, «вне зависимости от языка, расы и религии», когда каждый гражданин должен указать свою «расу» в удостоверении личности; когда президентский Совет по правам меньшинств и Закон о поддержании религиозного согласия (1991) являются неотъемлемым элементом сингапурского мультикультурализма; когда некоторых христиан судят как подстрекателей к мятежу за чрезмерно ревностную миссионерскую работу, в то время как «само-радикализировавшихся» мусульман арестовывают в соответствии с Законом о внутренней безопасности по подозрению в террористических заговорах, нетрудно сделать вывод, что в Сингапуре вопросы расы, языка и религии тесно переплетены между собой и политизированы.

С точки зрения сингапурского правительства атеизм является необходимым компонентом мирного сосуществования различных религиозных и этнических групп этой маленькой стра-

ны. Любые социологические исследования по вопросам, связанным с этнической принадлежностью и религией, должны учитывать, что Сингапур является многоконфессиональным обществом с официально светским государством. Религиозный плюрализм в Сингапуре в значительной степени является следствием ряда исторических случайностей, в том числе того, что некогда эта территория являлась важной торговой колонией, в которую стекались представители различных сообществ Азиатского региона и запредельных территорий. Содействие секуляризму, однако, произрастает из сознательной идеологической работы государства с самого основания нации — настойчивых усилий, неразрывно связанных с обстоятельствами, при которых Сингапур отделился от Федерации Малайзии в 1965 году. Не обошлось и без воли политических лидеров и граждан к тому, чтобы построить национальную идентичность, которая могла бы соперничать с сильной и харизматичной исламской культурой соседних Малайзии и Индонезии.

Учитывая, что Сингапур однозначно заявляет о себе как о светском государстве, нельзя не отметить наличие в правительстве такой должности как министр по делам мусульман. В преддверии праздника Курбан-байрам (мусульманский праздник жертвоприношения) в 2016 году министр предостерег сингапурцев от вредоносного влияния идей, которые могли бы помешать интеграции, и напомнил, что религиозный праздник — это «помимо всего прочего еще и отличный повод задуматься о религиозной и расовой интеграции в Сингапуре». В публичном политическом дискурсе страны Ислам часто изображается как Другой — как по отношению к секулярной идентичности Сингапурского национального государства, так и в качестве потенциальной угрозы социальной гармонии, связанной с (якобы) глобальным распространением «экстремистских» идеологий.

В контексте активной работы сильного государства по разделению населения на четкие категории, где «расы» определяются через культурные различия, такие как язык и религия, социологические исследования этнической принадлежности и религии, как правило, можно разделить на два типа. В рамках первого подхода, в соответствии с позитивистской социологической традицией, «раса» и «религия» рассматриваются в качестве независимых переменных. Второй подход критически анализирует, каким образом власть влияет на создание границ, изучает, каким образом границы, как этнические, так и религиозные, могут в реальности смещаться и размываться, производя неоднозначные, смешанные или множественные идентичности, не поддающиеся аккуратной классификации. Например, исследования религиозного плюрализма в Сингапуре показали, что многие последователи индуизма и даосизма (представители «индийской» и «китайский» общин, соответственно) поклоняются таким божествам, как Муни Шива, Туа Пек Конг, Тай Сен, Кришна и Хануман, которые принадлежат двум совершенно разным религиозным традициям. Изображения некоторые из этих божеств иногда соседствуют в одном и том же храме.

Критические исследования показывают, что секуляризм, во-первых, помогает легитимировать мультирасовость Сингапура, стремящегося к социальной гармонии. Во-вторых, исследователи подчеркивают роль секуляризма в усилиях правящей партии по развитию культуры «объективных» и «рациональных» политических дебатов. Сингапурский секуляризм не является воинствующе атеистическим (что было характерно для некоторых коммунистических режимов). Скорее, сингапурская версия признает важность религии в жизни людей, и, в принципе, демонстрирует равное отношение ко всем религиям. Совершенно независимо от конституционной гарантии свободы вероисповедания, государство поощряет различные религиозные группы, особенно в области предоставления услуг социального обеспечения и поощрения нравственных и культурных ценностей.

Сингапурскому секуляризму присущи две важные черты. С одной стороны, государство настаивает на том, чтобы религия оставалась вне политики, в первую очередь, запрещающая политическую мобилизацию членам религиозных организаций. С другой стороны, государство стремится контролировать и управлять религиозными общинами путем назначения представителей правительства в качестве «советников» в религиозных организациях, таких как Сингапурский исламский совет (MUIS), в храмах, мечетях или религиозных благотворительных организациях. Эти «советники» выступают в качестве проверяющих лиц на местах, что позволяет контролировать соответствие религиозных дискурсов государственной повестке.

Как и многие современные государства, Сингапур выдает лицензии местам отправления культа для различных религиозных групп, развертывая функциональную концепцию территориальности, подкрепленную идеологией развития и модернизации. Город-государство сталкивается с острой нехваткой земель, в силу чего власти избрали весьма утилитарную и интервенционистскую стратегию городского планирования. Когда Земельное агентство Сингапура приобретает землю, ранее принадлежавшую религиозной организации, оно вынуждает религиозные группы ликвидировать, смещать или даже объединять приходы. Например, китайские храмы, ранее расположенные в разных местах, иногда объединяются, формируя «комбинированные храмы», и тогда алтари этих храмов оказываются под одной крышей. А недавно правительство и вовсе выступило с предложением о строительстве многоэтажных зданий, где различные религиозные группы смогут арендовать помещения для своей деятельности.

Устойчивой тематикой социальных исследований являются стратегии управления и регулирования религии. Однако лишь немногие работы посвящены тому, каким образом некоторые религиозные группы находят пути обхода светских законов. Например, Теренс Чонг, Дэниел Го и Мэтью Мэтьюс изучали, как евангелисты стараются оказать влияние на процесс законотворчества, перетягивая на свою сторону политических лидеров и оказывая поддержку консервативной государственной политике в сфере семьи и сексуальности. Исследования народного индуизма, в том числе работа Виниты Синхи о культе Муни Шивы, описывают ритуальные действия верующих, сосредоточенные в лесных районах страны вне поля зрения властей. Я сам изучал культ Игуан Дао, транснациональную «религию спасения» китайского происхождения, использующей в качестве храмов такие официально «светские» пространства как квартиры государственного жилищного фонда. На частных квартирах встречаются и христианские группы, и китайские духовые медиумы, и даосские священники.

Эти примеры заставляют задуматься о потенциальном пределе возможностей государственного управления религией, основанного на секулярном представлении о существовании «частной» и «публичной» религиозной сферы, различия, способного как ограничить способность государств контролировать религию, так и создать для ряда религиозных групп пространство деятельности без политического надзора. ■

Корреспонденцию направляйте Фрэнсису Хеку Ги Лиму на адрес fkglim@ntu.edu.sg

> После глобализации

Даниэль П. С. Го, Национальный университет Сингапура

Репетиция парада по случаю Дня независимости Сингапура на плавучей платформе в заливе Марина-Бей. Фото Даниэля Го.

В национальных музеях и исторических учебниках в Сингапуре рассказывается две основополагающие истории. Первая и более старая повествуется со времён обретения независимости в 1965 году. Эта история основания британского поселения сэром Стэмфордом Раффлсом из Ост-индской компании. История гласит, что гениальность Раффлса заключалась в его признании стратегического географического положения Сингапура на самой оконечности Малайского полуострова, на пересечении торговых путей между Индийским океаном и Восточной Азией. Благодаря правильному управлению и открытой иммиграции поселению удалось из малайской рыбацкой деревни превратиться в современный мультирасовый метрополис. Вторая история, получившая признание сравнительно позже, повествует о самом раннем известном науке поселении на острове, носившем название Темасек. На основании археологических раскопок и свидетельств первых исследователей Азии мы можем сказать, что Темасек был укрепленным городом и космополитичным торговым портом, основанным в XIV веке принцем империи Шривиджая, переживающей упадок. Он попал под контроль Малаккского султаната в XV веке. После того, как Малакка пала под натиском португальцев в 1511 году, город был покинут, а месту вернулось изначальное имя на Санскрите: Сингапура.

Обе истории заканчиваются одинаково: победой великой Партии народного действия, правящей городом-государством с 1959 года, когда в британской колонии впервые было установлено всеобщее избирательное право и самоуправление, ключевые факторы, обеспечившие городу успех в будущем. Лейтмотив обоих нарративов – представление о том, что глобализация не просто обеспечила городу процветание, а была абсолютно необходима для его выживания. Сингапур – воплощение глобализации. И даже когда после насильственного отделения от Федерации Малайзии (1965) потребовалось создать воображаемое национальное сообщество, идеолог правящей партии С.Раджаратнам, принимавший активнейшее участие в национальном строительстве новой страны, назвал Сингапур в 1972 году Гло-

бальным городом. Сейчас эту речь называют пророческой, ведь это государство во всем мире считает примером превращения меркантилистской, а затем индустриальной, экономики, в постиндустриальный глобальный город, представляющий собой важнейший центр финансов и сервиса Азии. Но предсказание Раджаратнама о политической и экономической необходимости превращения Сингапура в глобальный город не было лишь случайно брошенной фразой. Вдохновляясь Арнольдом Тойнби, Раджаратнам выступал с утверждением, укорененном в пост-гегельянском Просвещении, – что Сингапур и есть глобальный город. Сингапур должен остаться глобальным городом и развиваться соответствующим образом, чтобы не предать свою сущность и не отклониться с пути, уготованного для него судьбой. Национальное строительство и национальная индустриализация не должны противоречить непрерывному развитию Сингапура как глобального города. Таким образом, решение обеспечить привлекательность экономики страны для мультинациональных корпораций, и сделать общество открытым для иммиграции – было не просто прагматическим императивом для экономического выживания, а соответствовало присущему Сингапуру духу глобального города.

Факультет социологии Национального университета Сингапура был основан в 1965 году в рамках проекта по модернизации страны. В течение последних пятидесяти лет, особенно в первые годы, антропологи и социологи университета, по большей части получившие образование в лучших западных университетах, были вовлечены в разработку, а иногда и реализацию государственной социальной политики. Сюда входят такие меры как помощь большинству населения в приспособлении к государственному жилью, работа по соблюдению этнического и религиозного плюрализма, решение репродуктивных и семейных проблем, а также другие аспекты государственных проектов социального инжинеринга по модернизации мировоззрения и поведения населения в течение жизни одного поколения.

Современные ученые-критики могут узреть в вышеописанной схеме пособничество социологов созданию гегемонной идеологии и авторитарного господства правящей партии. Но оглядываясь назад, не торопитесь осуждать. В первые годы после получения независимости любой сингапурец или иностранец, сочувствующий постколониальным устремлениям нового независимого народа, встал бы на сторону убедительной картины будущего, нарисованной правящей партией, особенно когда ее в ярких красках описывали такие идеологи и мыслители как Раджаратнам. Это было тем более актуально в условиях недостатка альтернативных нарративов и дискурсов о том, как Сингапуру сохранить верность своей космополитичной сущности, после поражения левых во время деколонизации и после селективного присвоения правящей партией ряда социалистических идей и политических мер, в отрыве от связей с международным коммунизмом.

Важный перелом в социологии случился в 90е годы. Поворотным моментом стала публикация книги Чуа Бенг-Хуата «Коммунитарная идеология и демократия в Сингапуре» в 1995 году, когда он разложил по полочкам господство-

>>

щую идеологию правящей партии и дал ей наименование. После этого, в 1997 году, Чуа выпустил книгу, в которой утверждал, что государственный жилой фонд, в котором проживает 80 процентов населения Сингапура, стал воплощением коммунитарной идеологии, превратившей каждого гражданина в заинтересованное лицо и сторонника политико-экономической системы, поддерживаемой правящей партией. Не автократия позволяла партии оставаться у власти в течение столь длительного периода времени, а гегемония идей (о которой писал Грамши), материализовавшаяся в повседневной жизни людей и оправдавшая тем самым безраздельную власть одной партии. Как показывают другие эссе в этом разделе ГД, новое поколение сингапурских антропологов и социологов ответило на это открытие поиском альтернативных нарративов, а также исследованием и документированием альтернативных практик.

Крайне важно, что перелом в сингапурской социологии случился в то время, когда Глобальный Город Раджаратнама стремительно превращался в то, что Саския Сассен назвала бы глобальным городом. Правительство бросилось в неолиберальную глобализацию и перестройку экономики, чтобы получить выгоду от потоков капитала, товаров и кадров. Возник новый словарь, для которого характерна и дихотомия, и конъюнкция, выраженная союзом «и»: граждан призывали быть одновременно «космополитами» и «местными», так называемыми «heartlanders» (сингапурский термин для обозначения жителя государственного жилья – прим.пер.), готовыми без страха путешествовать в мире открытых границ и не стесняться укорененности в «локальном» мире госжилья. Писали, что страна представляет собой одновременно нацию и глобальный город, что многообразие должно быть и мультирасовым, и мультикультурным. В 1989 году Институт Восточноазиатских исследований опубликовал ключевой сборник «Менеджмент успеха: создание современного Сингапура», под редакцией двух географов, в котором были собраны статьи многих сингапурских социальных ученых первого поколения, прославляющие успешное вступление Сингапура в глобальную капиталистическую систему в качестве Азиатского тигра. В 2010 году тот же Институт опубликовал сборник «Менеджмент успеха: возвращение в Сингапур», под редакцией социолога Теренса Чонга. На этот раз в книге анализировались трудности и противоречия, которые вслед за успехом принесла неолиберальная глобализация.

Если глобализация — это и есть Сингапур, то что же станет с сингапурской социологией после глобализации? Есть три возможных сценария: антиутопический, утопический и апокалиптический. Когда я оглядываюсь назад, то нахожу свою статью 2010 года, написанную для вышеупомянутого сборника, скорее антиутопической. В ней я анализировал попытки государства заменить новый мультикультурализм старой мультирасовой политикой в надежде обеспечить контроль этнического разнообразия, усугубляемого иммиграцией, и смягчить межэтническое напряжение, вызванное экономическим неравенством, при этом сохраняя сильную политическую власть. Трудности неолиберальной глобализации вылились в такие противоречия модернизации, что разрешить их невозможно, если не опираться на сильное правительство. Я рассуждал в откровенно дюркгеймианской традиции, выявляя проблему единственности в плюралистическом обществе и выражая пессимизм в связи с тем, что зависимость от государства в вопросах социальной интеграции и регуляции совершенно неизбежна. Подразумевается, что поиск альтернативных практик и нарративов, ставший основным направлением деятельности сингапурской социологии, нужен лишь постольку, поскольку государство испытывает нужду в обновлении своего морального господства

через принятие и воспроизводство найденных социологами альтернативных практик и нарративов в своем культурном репертуаре.

Вторая возможность — это утопический сценарий, который представлен в эссе, опубликованных в настоящем номере ГД. Этот подход напоминает «Утопию» Мора в плане поиска социальных, политических и религиозных нравов идеальной республики на оптимально заселенном острове, отмеченном демократией и равенством. Упор делается на минимальной зависимости от государства, озвучиваются надежды на то, что пространство индивидуальной автономии и самореализации личности будет только увеличиваться. Авторы пишут, что жители этого острова экономически изобретательны, социально ответственные и политически активны. Для некоторых антропологов и социологов открытие и анализ таких «пространств надежды» в Сингапуре, иногда по иронии возникающих благодаря неолиберальной глобализации, является достаточным для оптимизма. Существует убеждение в том, что такие альтернативные истории смогут вдохновить студентов в университетских аудиториях, и они выйдут на улицы и начнут изменять мир. Некоторые социологи и антропологи доходят до того, что четко описывают активизм простых (и не очень простых) людей в попытках изменить обстоятельства своей жизни. Другие, подобно Йуй-енн Тео, написавшей эссе для этого номера, призывают к академическому активизму — распространению информации об альтернативах среди широкой аудитории, дабы превратить социологов в агентов изменений.

Что немаловажно, утопический подход не является ни оппозиционным, ни радикальным в политическом плане, однако правящие элиты могут ошибочно посчитать его таковым и даже испытать зависть. Утопический подход по многим параметрам находится в рамках представления Раджаратнама о глобальном городе. Он закончил свою речь 1972 года призывом к журналистам и СМИ помочь «вооружить наших людей интеллектуально и духовно, чтобы они смогли превратить наш глобальный город [...] в небесный город, о котором пророки и провидцы мечтали с незапамятных времен» (The Straits Times, 7 февраля 1972 года). Утопический подход уходит корнями к Аврелию Августину и Томасу Морю.

Последний сценарий я назову апокалиптическим. В консервативном Сингапуре выпускать тексты в рамках такого сценария несостоятельно. Но с интеллектуальной и даже с политической точки зрения мудро поразмышлять об ответах на вопросы, которые мог бы поднять такой подход. Если глобализация — это Сингапур, то, что случится, когда глобализация даст обратный ход, когда начнется деглобализация? Это уже происходило однажды в 1920-х и 1930-х, и то был бурный период, когда левая и этнонационалистическая политическая мобилизация в Британской Малайзии проложила путь для кровавых конфликтов деколонизации в период после окончания Второй Мировой войны. В свою очередь конфликты привели к формированию трех национальных единиц, даже представить себе которые было невозможно еще за полвека до этого: сначала Малайская Федерация, затем Федерация Малайзии, и, наконец, Республика Сингапур. Эти политические образования способствовали колоссальным и невообразимым изменениям в обществе. А какое будущее невозможно представить сегодня? Что случится с Сингапуром, если невообразимое случится? Что станет с Сингапуром после глобализации, когда он перестанет быть Глобальным Городом? ■

Корреспонденцию направляйте Даниэлю П. С. Го на адрес dsong@nus.edu.sg

> Навстречу нелиберальному будущему: антигендеризм и антиглобализация

Агнешка Графф, Варшавский университет, Польша, Эльжбета Корольчук, Сёдерторнский университет, Швеция, член Исследовательских комитетов МСА «Женщины и общество» (ИК 32) и «Социальные классы и социальные движения» (ИК 47)

Плакат на антигендерной демонстрации
30 августа 2015 г. Фото Эльжбеты Корольчук.

Гендер играет важную роль на уровне мировой политики. После недавних выборов в США это стало ясно, как никогда: популярность мизогинии Трампа в массах — лишь часть общей проблемы. Популизм в США и за его пределами растет не только на почве экономической нестабильности и страха. Он подпитывается обще-

ственным беспокойством по поводу гендерных отношений, (гомо) сексуальности и репродукции. В одной стране за другой критикам того, что консерваторы (особенно католики) называют «гендером» или «гендеризмом» - политики гендерного равенства, полового просвещения, репродуктивных прав и прав ЛГБТКИ, - удалось мобилизовать мужчин и женщин, про-

ложив путь для прихода к власти популистов. Хотя противодействие феминизму и политике гендерного равенства — отнюдь не новый феномен, нынешний всплеск активности отмечает отрыв от старой неоконсервативной парадигмы: социальный консерватизм теперь открыто сочетается с враждебностью по отношению к мировому капиталу.

>>

В Польше электоральной победе правой популистской партии «Право и справедливость» предшествовала, а, быть может, и способствовала ей, кампания против «гендеризма» в консервативных медиа и религиозном дискурсе. С 2012 года польская католическая церковь и консервативные группы предпринимают одну за другой инициативы по противодействию использованию термина «гендер» в политических документах и публичном дискурсе, по недопущению введения просветительских программ и принятия законодательства о гендерном равенстве (например, ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием), а также по ограничению сексуальных и репродуктивных прав. В кампании принимают участие католические религиозные лидеры, консервативные политики, исследовательские институты правой направленности, а также антиабортные группы. Постепенно к ним присоединяются и иные организации: низовое движение родителей «Ratujmy Maluchy» - «Спасем малышей!», - возникшее в 2009 году для противодействия образовательной реформе, подхватило инициативу по отказу от вышеупомянутой Конвенции, аргументируя это тем, что меры по борьбе с домашним насилием ставят под удар институт родительской власти. Низовые организации и сети помогают мобилизовать массы людей, особенно заинтересованных родителей, взволнованных потенциальной опасностью, которую для их детей представляют «гомогенное лобби» и половое воспитание. Антигендеристы утверждают, что защищают детей и семью, а также польские культурные и религиозные ценности от феминисток, ЛГБТК-сообщества и правозащитников, которых, якобы, поддерживают политики-либералы и коррумпированный Запад. В рамках антигендерного дискурса правящая на тот момент партия, консервативная «Гражданская платформа», зачастую изображалась как крайне левая и обвинялась в стремлении уничтожить «традиционную» семью и Польскую Нацию, идя на поводу иностранных институтов, таких как Евросоюз.

В этой консервативной атаке термин «гендер» используется совсем

не для обсуждения половых различий или анализа конструкции маскулинности и феминности. Скорее, «гендер» стабильно фигурирует как часть международного заговора, как порождение сексуальной революции и/или насильственно насаждаемой (подобно некогда коммунизму) идеологии гендерного равенства. Консерваторы утверждают, что при поддержке транснациональных институтов, подобных ООН, и глобального капитала «гендеристы» пытаются пропагандировать аборт, моральное разложение, половые извращения, а также воинствующий индивидуализм, разрушающий сообщество и традиционные семьи. Насаждение произвольной смены пола среди невинных детей – якобы одна из целей движения. Концепция «гендер» изображается как неразрывно связанная с разрушением половых различий, а также с воцарением хаоса в сфере человеческой сексуальности, что неизбежно грозит депопуляцией в некоторых частях света.

Антигендеризм — отнюдь не польское изобретение. С похожим дискурсом мы сталкиваемся и среди соседей. В современной России заявления о том, что гомосексуалы и сторонники гендерного равенства ставят под угрозу местные традиционные ценности, способствовали росту поддержки путинского режима. Во Франции массовая мобилизация против гомосексуальных брачных союзов внесла вклад в популярность Национального фронта. В США открытая мизогиния Дональда Трампа не помешала его победе. Возможность избрать первого в истории США президента-женщину не смогла мобилизовать электорат – более того, 53% белых американок проголосовали «за» Трампа. Что связывает рост правого популизма и антигендеризма? Эти две идеологии пересекаются не только в пропаганде социально-консервативного взгляда на гендерные отношения, но также в наделении либеральных элит ответственностью за экономический и социальный упадок, испытываемый населением в целом.

Наш анализ основан на личном опыте участия в нескольких совместных проектах, организованных как ответ на волну последних антигендерных кампаний в Европе, а также на опыте

участия в ряде инициатив, против которых неоднократно выступали польские антигендерные организации. Мы проанализировали множество текстов, написанных ключевыми авторами антигендерного круга, интервью и публичные заявления основных сторонников антигендеризма (в том числе тексты двух руководителей Римско-католической церкви, местных католических лидеров и интеллектуалов), репрезентации антигендерных мероприятий в СМИ, а также многочисленные материалы, опубликованные на сайтах движений и организаций, таких как польская сеть www.stopgender.pl и международные платформы www.citizengo.org или www.lifesitenews.com.

Все антигендерные тексты объединены мотивом опасности, надвигающейся со стороны либеральных элит, в том числе феминисток, изображаемых как опасные акторы, наделенные большой властью. Противники гендерного равенства и прав геев, напротив, утверждают, что говорят от лица работающих простых людей, приверженных своим семьям. Важно отметить, что изображение простого народа как жертвы имеет как культурное, так и экономическое измерение: «гендеристы» изображены как получатели щедрых грантов, тесно связанные с глобальными элитами. Народ тем временем платит высокую цену за глобализацию. Переплетение культурной и экономической динамики четко отражено в выборе антигендеристами дискурсивной стратегии: консервативной версии антиколониальной теории. Гендеризм неизменно изображается как нечто насажденное из-за рубежа, продукт колониализма, нечто по разрушительной силе сравнимое с тоталитаризмами двадцатого века и современным глобальным терроризмом. Этот тезис оторван от дебатов об истории западного колониального господства, но он часто используется даже в тех странах, где отсутствует выраженная колониальная история (таких как Польша). Как во всех популистских нарративах, такая риторика противопоставляет коррумпированную международную элиту, эксплуатирующую простой народ, самому «народу», локальному, аутентичному, готовому нанести воинственный отпор.

Типичный пример такого антигендерного дискурса — высказывания бывшего польского Министра Юстиции Ярослава Говина, в 2012 году, который жестко выступил против ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Он заявил, что Конвенция — «носитель гендерной идеологии», идеологический троянский конь, чья тайная повестка заключается в разрушении традиционных семей и местных культурных ценностей. Подобным образом, в январе 2016 года Папа Франциск предостерег верующих, описав «гендерную идеологию» как опасную пропаганду богатых западных стран, форму идеологической и экономической колонизации. По утверждению Папы, иностранное финансирование и образование нередко привязаны к политике гендерного равенства, но «хорошие сильные семьи» смогут справиться с этой опасностью.

При описании «гендеризма» лидеры католической церкви, правые фундаменталисты и лидеры анти-гендерного движения связывают идеологическую колонизацию с экономической властью — властью, которая, по их словам, что немаловажно, локализована в транснациональных институциях и корпорациях. В Польше большинство активистов указывают пальцем в сторону Евросоюза, но другие международные институты, фонды и ассоциации также попадают под удар — как, например, Глобальный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией, ВОЗ, ООН или ЮНИСЕФ, Всемирный банк. В польском контексте антигендеристы также подвергают нападкам организации гражданского общества, основанные в 1990х при помощи западных доноров, особенно если

это группы, выступающие за права ЛГБТК (напр. «Акции против гомофобии»). Эти группы изображены как агенты заграничных коррумпированных элит. Как выразилась в интервью Catholic World Report Габриэла Куби, ключевой европейский авторитет движения анти-гендеристов:

Властные элиты сейчас проводят мировую сексуальную революцию. К ним относятся и международные организации, такие как ООН и Евросоюз, целая сеть автономных суборганизаций и глобальные корпорации, такие как Amazon, Google, Microsoft, крупные фонды наподобие фонда Рокфеллеров или Гуггенхайма, богачи типа Билла и Мелинды Гейтсов, Теда Тернера, Джорджа Сороса, Уоррена Баффета, а также международные НКО — например, международная федерация Planned Parenthood или Международная организация геев и лесбиянок.

Несмотря на упор на «локальные» и «аутентичные» ценности, антигендерное движение поддерживается транснациональной сетью, в том числе такими организациями, как Всемирный конгресс семей и мобилизационными платформами по типу CitizenGo. Например, польский институт Ордо Юрис (Ordo Iuris) тесно сотрудничает с европейским подразделением организации Всемирный альянс молодежи (World Youth Alliance Europe), американским Католическим институтом защиты семьи и прав человека (Catholic Family and Human Rights Institute), организацией European Dignity Watch со штаб-квартирой в Брюсселе, а также Британским обществом по защите нерожденных детей (British Society for the Protection of Unborn Children), одной из ключевых мировых антиа-

бортных организаций. Несмотря на свои транснациональные связи анти-гендеристы культивируют анти-элитистский дискурс, эксплуатируя в целях мобилизации представление о праведном народе как дискриминируемом большинстве. Им успешно удается играть на вполне легитимных страхах людей, касающихся будущего их семей и детей.

Консервативным акторам удается воспользоваться нарастающим чувством тревожности и экономической нестабильности, вызванной неолиберальной идеологией и политикой. Эти чувства направляются в нужное им русло: они порождают гнев, направленный на декадентские элиты, изображаемые в Польше как развращенные «евроэнтузиасты» (один из крайних правых слоганов гласит: «Педофилы и педерасты - это евроэнтузиасты!») или со ссылкой на США — «кривая Хиллари». Новая волна анти-гендеризма основана на противостоянии политике и дискурсам гендерного равенства, уходящим корнями в 1970е, но также отражает транснациональный подъем нелиберального популизма и локального национализма. Представляясь движением, защищающим «аутентичные» местные ценности и простой народ от чуждых глобальных сил и богатых коррумпированных элит, ставя знак равенства между «гендером» и воинствующим индивидуализмом, культурной и экономической эксплуатацией, данная стратегия вносит свой вклад в политический успех нелиберального популизма. Антигендеризм превратился в новый консервативный язык противостояния неолиберальной глобализации. ■

Корреспонденцию направляйте:
Эльжбете Корольчук на адрес bekorol@gmail.com
Агнешке Графф на адрес abgraff@go2.pl

> Защита репродуктивных прав в Польше

Юлия Кубиса, Варшавский университет, Польша

Польские женщины в Варшаве протестуют против нового закона, ограничивающего возможности для аборта, 3 октября 2016 г. Фото Эльжбеты Корольчук.

Осенью 2016 года по Польше пронеслась новая волна протестов против планируемой криминализации абортов. Польские феминистки борются против антиабортного закона уже более двух десятилетий — с того самого момента, когда в 1993 году были введены драконовские меры, максимально затрудняющие доступ женщин к процедуре прерывания беременности. Польское антиабортное законодательство, одно из самых строгих в Евросоюзе, разрешает аборты лишь в случаях инцеста и изнасилования, угрозы здоровью матери, а также генетических отклонений плода.

Как отмечают польские активисты, законодательные ограничения породили целую сеть подпольных абортных клиник по всей стране, однако вопрос не выносился на повестку дня до 2016 года. После того, как по результатам парламентских выборов парламентское большинство получила правая партия «Право и справедливость», стало ясно, что рано или поздно речь неизбежно пойдет о введении дополнительных ограничений репродуктивных прав. В начале 2016 года правительственные лидеры, в том числе премьер-министр Беата Шидло, высказались в пользу полного запрета абортов, в то время как консервативная НКО «Ордо Юрис» начала сбор подписей в поддержку введения тюремных сроков для женщин и врачей и потребовала от властей проведения обязательной экспертизы каждого выкидыша в целях исключения его медикаментозной природы.

Возмущение, вызванное новой кампанией «Ордо Юрис», вскоре вылилось в две новые активистские кампании: демонстрации и пикеты, за которыми стояли две организации — «Девочки за девочек» (низовая организация с феминистской повесткой) и «Спасите женщин» (инициативная группа феминисток с социал-демократическими взглядами, участниц кампаний за либерализацию польского антиабортного закона).

В середине 2016 года «Ордо Юрис» объявила о том, что ее обращение поддержало более полумиллиона поляков, а

>>

под обращением НКО «Спасите женщин» подписалось четверть миллиона. Обе петиции были переданы в Парламент страны. Консервативные католические организации в прошлом уже выступали с инициативами, подобными нынешней, однако им не удавалось пройти стадию голосования. С инициативой по либерализации никто не выступал с самого начала 90-х, когда аналогичная петиция, собравшая 1,2 миллиона подписей, была отклонена.

На этот раз Парламент немедленно отверг проект группы «Спасите женщин», и вместо этого развернул масштабное обсуждение предложения о дальнейшей криминализации абортотворцев. Это решение вызвало волну демонстраций со стороны группы «Спасите женщин», а также левой партии «Разем», которые призвали сторонников одеться в черное и выйти на улицы или загрузить фото в соцсети с хэштегом #blackprotest (#черныйпротест). Когда одна из самых уважаемых актрис Польши предложила провести всеобщую женскую забастовку по всей стране (по примеру забастовки 1975 года в Исландии), активисты из соцсетей подхватили эту идею, объявив 3 октября 2016 года днем «Черного протеста». Призыв к действиям исходил не от женских организаций, хотя многие активисты феминистского движения и политических партий поддержали инициативу, предложив свое время и ресурсы. В дни, предшествующие забастовке, многие частные работодатели, а также региональные правительственные чиновники выразили поддержку женщинам, объявившим забастовку, буквально убеждая работников взять отгул 3 октября. Некоторые факультеты в университетах даже отменили занятия в этот день.

Несмотря на трудности (например, юридический статус), забастовка оказалась крайне успешной и смогла обеспечить беспрецедентный уровень мобилизации. В отличие от обычных демонстраций такой направленности, обычно не выходящих за пределы столицы и крупных городов, Женская Забастовка получила искреннюю поддержку по всей Польше. Женщины и девочки, а также некоторые их сторонники-мужчины, организовали акции в как минимум 142 городах и селах страны. В забастовке приняли участие около 150 тысяч человек, облачившихся в знак протеста в черные одежды. Слоганы затрагивали базовые женские права, репродуктивный выбор, женское достоинство, то есть все то, на что замахнулся бы полный запрет абортов. Так как в день протестов шел сильный дождь, большинство участников стояли и шли под открытыми зонтами, превратившимися в неожиданный символ протеста.

Размах и энергичность протеста, очевидно, застали врасплох правящую партию и представителей католической церкви. Первые отклики имели откровенно мизогиничную окраску: католический священник заявил, что женщины «не могут забеременеть во время изнасилования», политик-популист выступил с речью о том, что женщины распутны и нуждаются в контроле, а министр иностранных дел назвал их совершенно безответственными. Несмотря на это, через три дня после протеста Парламент отклонил ан-

тиабортную инициативу, что стало одним из редких поражений для польской правящей партии.

Правительство решило отказаться от конфронтационной риторики, перейдя к «мягкому» подходу. Премьер-министр объявила, что польским женщинам в случае «трудной беременности» — эвфемизм для случаев неизлечимой болезни или деформации плода — будет единовременно выплачиваться сумма в размере 1000 евро, в сущности — пособие на рождение ребенка, который умрет вскоре после появления на свет. Пособие уже введено, несмотря на критику противников, утверждающих, что подобная мера объективирует женщин.

Многие активисты, вовлеченные в организацию всеобщего женского черного протеста, решили не останавливаться на достигнутом и продолжили протестную деятельность, чтобы у властей не было шанса расслабиться и вновь почувствовать вседозволенность. Через две недели они вновь организовали забастовку (на этот раз меньшую по размаху). На ней был озвучен список требований из 11 пунктов, касающихся женского достоинства и свободы, развития социальной политики, ориентированной на женщин, а также борьбы с сексуальной агрессией, домашним насилием и милитаризацией общества. Черный протест вдохновил как минимум двух звезд на то, чтобы открыто рассказать о личном опыте аборта, нарушив табу публичного дискурса. Черный протест получил широкое признание в обществе: 58 процентов поляков выразили участникам свою поддержку. Он также послужил вдохновением для женщин всего мира, в том числе Аргентины, Исландии и Южной Кореи, вышедшим на улицы с подобными лозунгами. Барбара Новацка из группы «Спасите женщин» и Агнешка Демьянович-Бак получили награду Global Thinkers 2016 от журнала Foreign Policy как представительницы движения Черного протеста.

Польское правительство продолжает «мягкий» подход к проблеме с момента забастовки, отбросив всяческие упоминания дальнейшего ужесточения доступа к абортотворцам, и вместо этого фокусируясь на дискурсе поддержки детей, родившихся с ограниченными возможностями (при этом не предпринимая никаких реальных мер по увеличению финансирования в этой сфере). Однако феминистский активизм, породивший общенациональную забастовку в октябре, продолжает давать отголоски: недавно Министр здравоохранения снизил государственные стандарты медицинского обслуживания матери и ребенка в больницах, а правящая партия «Право и справедливость» рассказала о планах по отказу от Конвенции Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в ответ на что участницы октябрьского протеста заявили, что «не собираются закрывать свои зонтики». ■

Корреспонденцию направляйте Юлии Кубисе на адрес juliakubisa@gmail.com

> Сеть молодых социологов МСА

Олег Комлик, Университет Бен-Гуриона, Израиль, председатель Сети молодых социологов МСА

Иллюстрация Арбу.

Сеть молодых социологов (JSN) Международной социологической ассоциации объединяет студентов, молодых учёных и практиков в начале карьеры, которые занимаются социологией и смежными дисциплинами. Участники Сети — исследователи с совершенно разными тематическими интересами и научными подходами. Данное эссе рассказывает о задаче Сети и её нынешних проектах. Я постараюсь показать, как это уникальное международное сообщество помогает своим участникам двигаться вперёд по профессиональному пути и в целом содействует развитию социологии как профессии.

Сеть молодых социологов была создана в 2006 г. при поддержке Президента и Исполнительного комитета МСА. К созданию Сети нас подтолкнул полезный опыт, полу-

ченный в Лабораториях МСА для аспирантов, на Конкурсе молодых социологов МСА и конгрессах МСА. Члены нашего сообщества закреплены каждый в своей локальности, будучи, однако, связаны глобально. Это потрясающее, хоть и напряжённое, состояние. Сеть молодых социологов осознаёт свой потенциал, и её задача — его актуализировать. Цель Сети, таким образом, состоит в том, чтобы обеспечить молодых социологов поддержкой и полезной платформой для распространения информации, обмена идеями и организации совместных проектов с целью карьерного роста, разработки, распространения и применения социологических знаний и идей.

Последние два с половиной года в жизни Сети молодых социологов были полны захватывающих событий. Вследствие интенсивного

>>

распространения информации о Сети, особенно на Глобальном Юге, количество наших участников значительно выросло. К нам присоединились более 2500 магистрантов, аспирантов, младших преподавателей и даже профессоров. Несмотря на то, что большинство участников Сети – университетские учёные, к нам захотели примкнуть также специалисты-практики и активисты. Мы рады всем, кто считает социологию фундаментом своей работы.

Деятельность Сети основывается на четырёх взаимосвязанных базисных элементах. Во-первых, это новый [список рассылки Сети](#), который быстро стал популярным источником информации для молодых социологов. Каждые две недели участникам Сети рассылаются полезные, интересные и актуальные новости — о приёме заявок, вакансиях для постдоков, информация о грантах, незанятых должностях, а также острые статьи по социологии и о научной жизни в университетах.

Во-вторых, База авторефератов диссертаций МСА с открытым доступом позволяет молодым социологам загружать авторефераты своих докторских диссертаций,

краткие биографические справки и контакты. В Базу уже внесено около 650 авторефератов. Данная платформа помогает участникам находить других исследователей, изучающих похожие темы, и стимулирует сотрудничество между учёными. Более того, с этой базой данных уже знакомы некоторые издательства – они выходят на связь с некоторыми из авторов, загрузивших свои авторефераты.

В-третьих, два с половиной года назад Сеть молодых социологов запустила собственную [страницу на Facebook](#) и [аккаунт в Твиттере](#). Тысячи подписчиков и посетителей, пользуясь социальными сетями как средством распространения и циркуляции информации, читают интернет-объявления, находят авторефераты диссертаций и интересные ссылки, а также делятся своей информацией.

В-четвёртых, Сеть молодых социологов гордится традиционным участием в организации ежегодной Словенской международной конференции по общественным наукам, а также финансовой поддержкой других академических встреч, где собираются молодые учёные из различных стран и регионов.

Я благодарю членов совета Сети молодых социологов Долорес Модич и Тамару Валич за вовлечённость в процесс, а также секретариат МСА за постоянную поддержку и быстрое реагирование. Я бы хотел заметить, что Сеть молодых социологов всегда открыта для новых предложений. Мы оценим любую инициативу и поможем с Вашей стороны.

Наряду с участием в важных проектах МСА и Исследовательских комитетов, Сеть помогает строить сильное глобальное сообщество социологов, лучшим образом подготовленное к разгадыванию загадок социально-политической морфологии. Молодые социологи сегодня прокладывают свой профессиональный путь наверх в контексте жестокой неолиберальной и маркетизированной реальности и перед лицом авторитарных и националистических тенденций. В этом контексте мы помним об императивах социологии и о том, в чём заключается сущность этого призвания. Мы надеемся пройти вместе наш профессиональный путь при поддержке наших старших коллег, сохраняя общие интеллектуальные принципы социологического знания. ■

Корреспонденцию направляйте Олегу Комлику на адрес komlik@gmail.com

> Перевод «Глобального диалога» на индонезийский

Каманто Сунарто, Университет Индонезии, Депок, Индонезия

В апреле 2015 г. группа социологов в Индонезии сформировала индонезийскую команду переводчиков. Первое издание «Глобального диалога» (ГД) на индонезийском языке — *Dialog Global*, том 5, выпуск 3 — вышло в сентябре 2015 г. Индонезийский стал 16-м по счёту языком издания журнала.

Команда состоит из девяти социологов, аффилированных с пятью различным университетами в четырёх городах. Это Университет Индонезии в Депоке, Университет Гаджа Мада и Университет Саната Дхарма в Йогьякарте, Институт сельского хозяйства в Богоре и Университет Нуса Чендана в Купанге. Четыре участника команды в настоящее время являются докторантами Австралийского национального университета, Высшей школы социальных наук в Париже, Университета Амстердама и Лейденского университета.

Трое участников команды составляют редакционный совет, ответственный за экспертную проверку переведённых статей. Члены редсовета также участвуют в переводе статей, особенно в периоды, когда число свободных переводчиков ограничено; каждый член редсовета также проводит экспертную оценку переводов, сделанных двумя его коллегами. Кроме того, один член редсовета выполняет функции главного редактора, второй выступает в качестве посредника между редсоветом и другими переводчиками, а третий общается с ответственными за ГД в МСА. С редактурой, дизайном и вёрсткой индонезийской версии журнала редсовету помогает выпускник колледжа.

За месяц до того, как МСА опубликует ГД, редсовет предлагает каждому члену команды перевести одну-две статьи, в зависимости от занятости участника. Так как участников разделяет расстояние от 65 до 2770 километров, все переговоры проводятся по электронной почте или социальным сетям.

Трудности перевода, возникающие у индонезийской команды, более или менее похожи на те проблемы, с которыми сталкивалась румынская команда (см. ГД 6.3 за сен-

**“многие базовые
понятия ещё не имеют
утверждённого перевода”**

тябрь 2016). Помимо того, что английский и индонезийский языки структурно различаются в своей основе, многие базовые понятия социальных наук, особенно новейшие, до сих пор не имеют утверждённого перевода на индонезийский. Поэтому многие учёные оставляют англоязычные базовые научные понятия непереверждёнными. Редсовет ищет информацию в словарях, изучает научные и профессиональные публикации и обсуждает отдельные вопросы перевода. Иногда членам совета приходится обращаться за консультацией к профессионалам определённых областей, а время от времени – просить разъяснений у авторов статей.

После вычитки всех статей, включая переведённые членами редсовета, и согласования перевода отдельных сложных фрагментов приходит время вёрстки. Редсовет внимательно следит за тем, чтобы ГД был переведён и свёрстан в строгом соответствии с правилами МСА, прежде чем окончательный вариант будет отправлен главному редактору «Глобального диалога».

После того, как журнал будет опубликован на сайте МСА, индонезийский редсовет отправляет ссылку на «Глобальный диалог» Индонезийской социологической ассоциации (ISI), Ассоциации индонезийских программ по изучению социологии (APSSI), на различные социологические факультеты и образовательные программы, в библиотеки, исследовательские центры, ассоциации студентов-социологов и отдельным социологам из разных университетов. ■

Корреспонденцию направляйте Каманто Сунарто на адрес kamantos@yahoo.com

> Представляем ИНДОНЕЗИЙСКУЮ команду редакторов

Каманто Сунарто — почётный профессор социологии на Отделении социологии Факультета общественно-политических наук Университета Индонезии. Получил степень PhD в Чикагском университете в 1980 г. Исследовательские интересы — социология высшего образования и история социологии. Член ИК MCA по социологии образования (RC04) и истории социологии (RC08).

Хари Нугрохо — докторант Института культурной антропологии и социологии развития в Лейденском университете (Нидерланды), преподаватель Отделения социологии Факультета общественно-политических наук Университета Индонезии. Получил степень магистра в Институте социальных исследований (ISS) Университета им. Эразма Роттердамского в Гааге (Нидерланды). Исследовательские интересы — труд, общественные движения, локальная политика, социальное неравенство. Член ИК MCA по вопросам рабочих движений (RC44), социальных классов и общественных движений (RC47), общественных движений, коллективных действий и социальных изменений (RC48).

Лусия Ратих Кусумадеви — докторантка Центра социологического анализа (CADIS) Высшей школы социальных наук (EHES) в Париже (Франция). В 2006 г. Завершила курсы повышения квалификации (DEA) в Высшей школе социальных наук. Является преподавателем Отделения социологии Факультета общественно-политических наук Университета Индонезии. Основные исследовательские интересы — общественные движения, идентичность, религия, молодёжь, образование. Член ИК MCA по вопросам социологии религии (RC22), социальных классов и общественных движений (RC47).

Фина Итрияти — преподавательница и научный сотрудник Отделения социологии Факультета общественно-политических наук Университета Гаджа Мада в г. Йогьякарта; аспирантка Колледжа искусств и общественных наук (CASS) Австралийского национального университета. Тема её исследовательского проекта — «Биосоциальность и переопределение идентичности женщин, недавно ставших инвалидами, в Индонезии после землетрясения». В данном исследовании применяются этнографические методы для осмысления повседневной жизни женщин с инвалидностью, полученной в результате стихийного бедствия. Исследовательские интересы — гендер, культура и общество, телесность, катастрофы, права человека. Член Индонезийской социологической ассоциации и ИК MCA по исследованиям телесности в социальных науках (RC54).

Индера Ратна Иравати Паттинасарани — преподавательница Отделения социологии Факультета общественно-политических наук Университета Индонезии. Сферы исследования — социальная стратификация и мобильность, социальное неравенство, бедность, социология образования. Получила степень PhD по социологии в Университете Индонезии и магистерскую степень в Университете штата Мичиган (США). Член ИК МСА по вопросам социологии образования (RC04) и социальной стратификации (RC28). Также является членом Индонезийской социологической ассоциации.

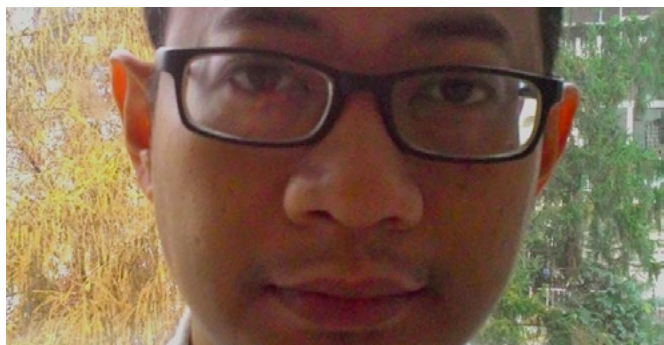
Бенедиктус Хари Джулиаван — преподаватель Магистерской программы исследований культуры и религии Университета Саната Дхарма в г. Йогьякарта, Индонезия; научный сотрудник локальной НГО «Сахабат Инсан», занимающейся проблемами трудовых мигрантов. Получил степень магистра философии в 2007 г. и степень PhD в области исследования развития в Оксфордском университете (Великобритания) в 2011 г. Основные исследовательские интересы — рабочие движения, трудовые мигранты, политика идентичности, неформальная экономика.

Мохамад Шохибуддин — докторант Факультета социологии и антропологии Университета Амстердама (Нидерланды). Преподаватель Отделения коммуникаций и общественного развития Факультета экологии человека Богорского института сельского хозяйства (Индонезия). Ранее занимал пост исполнительного директора Института Саджогьо, исследовательского института, изучавшего вопросы, связанные с бедностью, развитием сельских районов и аграрными изменениями. Среди исследовательских интересов — земельные реформы, аграрные исследования, исследования мирного времени и конфликта, общественные движения в сельской местности.

Доминггус Эльчид Ли — исполнительный директор и научный сотрудник Института управления ресурсами и социальных изменений (IRGSC). Получил степень PhD в Бирмингемском университете (Великобритания) в 2014 г., в период с 2014 по 2015 гг. участвовал в постдокторской программе Гарвардской школы Кеннеди в Бостоне (США). В данное время является преподавателем Факультета общественно-политических наук Университета Нуса Чендана в г. Купанге (Восточная Индонезия). Исследовательские интересы — миграция, торговля людьми, демократическое участие, социология сельской местности.

Антониус Арио Сета Харджана получил докторскую степень в Институте этнологии Франкфуртского университета им. Гёте (Германия). Защитил магистерскую диссертацию в Университете Пассау (Германия) по программе исследований Юго-Восточной Азии. В данный момент является преподавателем Отделения социологии Факультета общественно-политических наук Университета. Основные исследовательские интересы — культурология, социальные СМИ, социальные сети.